

Ю Н Ы Й 74 Э
НАТУРАЛИСТ

Рис. Н. Кутилова

Для каждого человека весна начинается по-разному. Каждый видит в ней свои краски, слышит свои звуки. Но есть то общее, что роднит всех людей. Никто не сможет представить весну без робких подснежников, без говорливых ручьев, без звонкого жаворонка. И разве пройдет кто равнодушно мимо вспаханного поля, чтобы не вдохнуть его аромат? Да, для земледельца весна — начало битвы за урожай. И потому дни эти напряженные, ответственные.

Весна нынешнего года поистине всна-труженица. С энтузиазмом работают советские люди над выполнением задач, поставленных Пленумом ЦК КПСС, состоявшемся в декабре 1973 года. В речи на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев глубоко проанализировал итоги первых трех лет пятилетки, развернул широкую перспективу коммунистического строительства. Четвертый год —

определяющий год для успешного завершения пятилетки в целом. Вот почему так высок сегодня трудовой накал.

Для советской молодежи весна эта примечательна еще одним важным событием. В апреле соберется комсомольная страна на свой XVII съезд. Со всех концов необъятной нашей Родины съедутся в Москву и те, кому доверено наше главное богатство — земля. Они доложат съезду о своих делах, о дальнейших планах. С гордостью будут слушать посланцы комсомолии и рапорты юных ленинцев, которые тоже потрудились на славу. Это их аллеи и парки в честь пятидесятилетия присвоения комсомолу

имени Владимира Ильича Ленина молодое зазеленеют под апрельским солнцем, это они, пионеры-юннаты, помогают родным колхозам собрать богатый урожай, это их ученические производственные бригады вскоре приступят к севу на своих полях.

Есть в этих больших и важных делах вклад и нашей эстафеты «Зеленый наряд Отчизны». Всю страну облетело «крылатое семечко». И там, где оно опустилось, зажглись яркие костры цветов, встали новые рощи, парки, аллеи.

Тебе, комсомол, тебе, съезд, посвящают юннаты страны свои трудовые дела!

Ю Н Ы И 74 3
НАТУРАЛИСТ

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году.

Слово юным друзьям природы города Ставрополя.

«Трест зеленого хозяйства. Непосвященному сразу и не понять, что речь идет о школьном кружке юннатов. Но потому и назвали мы его трестом, что здесь занимаются 400 человек. Это те, кому дорог зеленый наряд родной школы, родного Ставрополя. И все мы, юннаты городской средней школы № 5, — активные участники зеленого эстафеты.»

Сделано уже немало. Но разве можно останавливаться на достигнутом, когда каждый из нас видит, как от весны к весне хорошеет школа, одеваются в красочный наряд соседние с ней улицы?

Наш район новый, молодой. Вокруг возводится много домов, и неприглядно подчас выглядят после ухода строителей улицы и дворы. Мусор, щебень, канавы, лишь кое-где газоны да жалкие кустики. Мы провели озеленение трех дворов и подшефной улицы Шпаковской. Распланировали газоны, засеяли их цветами. А вдоль улицы посадили липы. И этой весной встанут в микрорайоне новые пионерские посадки.

Говорят юннаты Канашского Дома пионеров Чувашской АССР.

«Висит на стенде в юннатской комнате карта. Простая, схематичная, с контуром нашей Родины. Там, где Канаш, горит красная звездочка, а по всей карте к другим звездочкам протянулись зеленые стрелы. Их сорок, тех пунктов, куда в конвертах и бандеролях отправились из Канаша семена.»

Анадырь и Магадан, Сахалин и Благовещенск, Алма-Ата и Пенза, Львов, Москва, Ленинград — вот неполный перечень маршрутов крылатой эстафеты дружбы.

Многие, кто смотрит на карту, удивляются, где же выращиваем мы цветы, ведь при Доме пионеров нет участка. Конечно, участок у нас не в центре города, а поближе к окраине. Там в прошлом году вырастили мы больше двух тысяч корней мальвы, геспериса, рудбекии, аквилегии. Теперь цветы эти высажены на улицах города, а 93 посылки с семенами отпра-

вились по маршрутам, обозначенным на карте.

Весной и летом приготовим мы новые посылки. Их получат участники третьего этапа эстафеты «Крылатое семечко». Зажгутся на нашей карте новые звездочки, эстафета поможет нам приобрести сотни новых друзей.»

Донесение пионерской дружины имени Олега Кошевого средней школы № 1 города Гродно.

«Все пионерские отряды, дружины включились в эстафету «Зеленый наряд Отчизны». Что мы успели? Расскажем по порядку.»

Сделать уютнее и наряднее свой второй дом — таково было первое задание. Ребята смастерили удобные ящики для цветов, чтобы на каждом школьном этаже создать зеленый уголок. А потом в дружине объявили конкурс на лучшее оформление этих ящиков. Чего только не придумали ребята! В ход пошли и мох, и галька, и битый кирпич. Некоторые украсили ящики ракушками и причудливыми корягами, напоминающими различных животных. Не забыли и про комнатные цветы в глиняных горшках. Ребята приносили их из дома, делились друг с другом. Теперь в школьных классах и коридорах целая оранжерея — свыше 500 ящиков и цветочных горшков.»

Сообщают участники эстафеты Любитовской восьмилетней школы Приморского края.

«Саженцы и семена элеутерококка, заманихи, амурского бархата, саженцы кедра, пихты, актинидии, лимонника выслали мы в Дагестан, на Украину, в Белоруссию. Сейчас готовим посылки в город Грозный и в Калининградскую область. А послать нам есть что. Прошлой осенью мы собрали и сдали Приморскому госсемпромхозу 80 килограммов семян амурского бархата, 28 килограммов семян клена, 4 тонны маньчжурских орехов, много калины, амурской сирени, лимонника. Часть собранных семян оставили для посылок участникам эстафеты.»

В школьном дендрарии нам хочется вырастить деревья и кустарники западных областей страны. Сейчас здесь растут пирамидальный тополь, плакучая ива, сосна, береза бородавчатая. И все это благодаря зеленой эстафете. Идут и идут письма, а за ними посылки с семенами.»

Репорт пионерской дружины имени Александра Матросова средней школы № 99 города Красноярск.

«250! Столько участников эстафеты насчитывают пионерские отряды нашей школы. А сообща работать интереснее и любое дело по плечу.»

На пришкольном участке выращиваем мы цветы. Красив он. С весны до поздней осени поливают на клумбах и рабатках ирисы, гвоздики, мальвы, дельфиниумы. А чтобы создать вокруг живые зеленые изгороди, заложили мы свой питомник. Там выращиваем из семян черемуху, смородину, черноплодную рябину, сибирские яблони. Двести молоденьких яблонь уже переселились из питомника на пришкольный участок. Конечно, это только начало. Планы наши обширны.

Весной хотим озеленить территорию соседнего детского сада, высадить там мальву, акацию, рябину и смородину. Составлен уже план озеленения двух дворов в микрорайоне. Так что краше станет наша школа, наш Красноярск.»

Рассказывают юннаты Шаповаловской средней школы Черниговской области.

«Светлому празднику молодежи — 50-летию присоединения комсомолу страны имени В. И. Ленина — готовим мы свой подарок. А что может быть лучше молодых посадок, цветущего пришкольного участка, зеленых улиц! Нам есть чем гордиться! Каждый ученик школы посадил не менее пяти деревьев, вот почему на участке растет 655 деревьев и 625 кустарников.»

А как прекрасны улицы родного села! Пионеры школы организовали несколько отрядов зеленого патруля и постоянно ведут наблюдения за посадками, стараются и дома односельчан одеть в красочный живой наряд.

Нет лучшего подарка к юбилею комсомола, чем новые зеленые посадки. В честь этой даты заложим мы весной светлую аллею из пятидесяти красавиц берез.»

Весна! С каждым днем теплее ее дыхание, шире солнечный разлив. Скоро зазеленеют нежной дымкой рощи, парки и скверы. Разнесутся в них веселые напевы птиц, ветер живо заиграет зелеными парусами деревьев.

Скоро, скоро наступит горячая пора новых посадок. Много их встанет на нашей земле. Но будут среди них особенные, главные. Вот почему сегодня объявляется новое задание.

ПРИКАЗ № 3 по отрядам эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»

Пятый этап — мемориальные аллеи, скверы, парки. В честь пятидесятилетия со дня присоединения комсомолу страны имени В. И. Ленина каждый отряд должен посадить аллею, разбить сквер или парк. Березки, клены, тополя, сосны и ели, липы и белые акации — все можно высадить в мемориальной зоне. Только быть их должно не меньше пятидесяти.

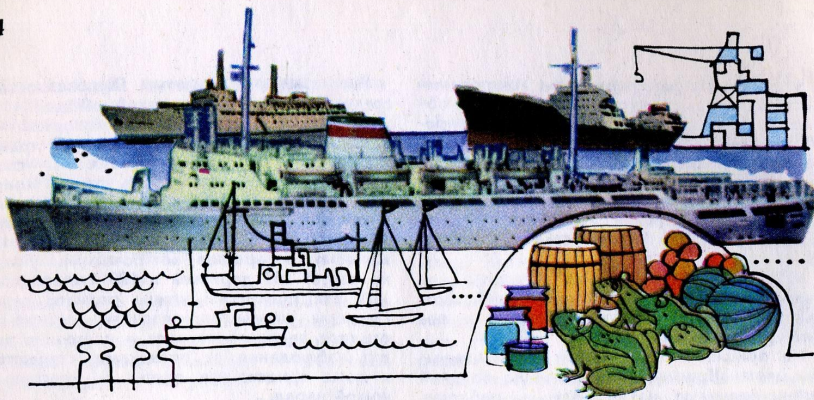
Еще есть время до посадок. Посоветуйтесь со старшими, свяжитесь с районными архитектурными управлениями, чтобы вам выделили для посадок место.

Донесения о выполнении этого задания необходимо отправить в редакцию не позднее 1 июля 1974 года.

Желаем успехов, юные друзья!

Штаб эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»

Л А К О М К И

Человеческое меню удивительно разнообразно. Чего мы только не едим: зерна, плоды, корнеплоды, корневика, клубни, листья, молодые побеги. У хлебного дерева в пищу идет сердцевина. Из коры коричневого дерева готовят ароматические приправы. У ревеня используются черенки листьев, у артишоков — сильно разросшееся цветоложе, у каперсов — цветочные почки, у гвоздики — цветы.

Еще разнообразнее мясное меню. Среди всемирно известных (но далеко не повсеместно принятых) деликатесов — живые устрицы, плавник акул, морские черви палоло, ласточкины гнезда, личинки крупных жуков, черепаши яйца, филе удава. Чтобы оценить все эти яства, необходимо иметь изощренный вкус.

И все же животные перешеголяли нас. Перечислить все, что они едят, невозможно. Что ни зверь, то собственный, неповторимый вкус. Одни из них ловят мышей, лягушек, червей, кузнечиков. Другие питаются, казалось бы, уж совсем несъедобными вещами: сухой древесиной, воском. Моли едят шерсть, пухоеды — пух и пгичье перо. Наконец, есть существа, которые, нарочно не придумаешь, едят не рыбу, а только рыбью чешую. Живет на земле целая плеяда жуков-навозников. Все они большие привереды! Жуки, поедающие заячий помет, не станут есть коровий, а питающиеся коровьим не притронутся к лошадиному.

Симпатичные «плюшевые мишки» — австралийские коала — всю жизнь проводят на деревьях и едят лишь листву да моло-

дые побеги некоторых видов эвкалиптов. Неудивительно, что их не увидишь в зоопарках Европы и Америки. Ведь не станешь же каждый день посылать в Австралию самолет за свежей зеленью!

Много приверед и среди насекомых. Личинки крохотной пронубы — юкковой моли — питаются лишь семяпочками мексиканской юкки — красивого американского растения. Их бедным мамам приходится немало потрудиться, чтобы обеспечить свое потомство запасами пищи. Правда, найти юкку нетрудно, она довольно распространена. Загвоздка в том, что юкка не способна к самоопылению, и, кроме пронубы, опылить ее никто не может. Когда наступает пора размножения, пронуба ищет зацветшее растение, забирается внутрь цветка, соскабливает с тычинок пыльцу и скатывает из нее большой шарик. Еле удерживая ношу «под подбородком», летит мама-моль на поиски другого цветка, а когда найдет, забирается внутрь до самого основания пестика, сверлит в завязи отверстие и откладывает туда 3—5 яичек. Затем бежит наверх. Добравшись до рыльца пестика, моль заталкивает в его воронку комочек пыльцы.

Забываясь о будущем детей, пронуба должна вести себя очень осмотрительно. Она вынуждена опылять как можно больше цветков. Иначе у юкки не будет семян, и внукам пронубы нечего будет есть. Но моль не может отложить в цветки слишком много яичек: вылупившиеся из них личинки съедят все семяпочки, и потомство будет голодать. Вот как сложно быть мамой приверед!

Разборчивость в пище — удивительнейшее явление природы.

Для восприятия вкуса у человека и позвоночных животных существуют специальные приемники — вкусовые почки — крохотные овальные образования. Помещаются они на вкусовых сосочках слизистой оболочки языка. В микроскоп видно, что почки сложены из продолговатых клеток. Часть этих клеток — вкусовые. У них на верхнем конце находятся маленькие штифтики, выступающие в полость поры, открывающейся на поверхность языка. Вот эти штифтики и являются приемниками вкуса.

У взрослого человека вкусовые почки находятся на языке. Их около 10 тысяч. У новорожденных детей таких почек гораздо больше. Они щедро разбросаны по всей полости рта. Вот почему малыши так привередливы к еде. Почти с первых дней жизни ежедневно отмирает по несколько почек сначала на стенках полости рта, а затем и на языке. Поэтому пожилые люди хуже ощущают вкус пищи.

Большинство же людей обладают изощренным вкусом. Человек легко определяет сотни вкусовых оттенков. И вся эта огромная гамма строится всего лишь из четырех первичных вкусовых ощущений: соленого, сладкого, кислого и горького. Правда, смешивая в разных пропорциях соль, сахар, уксус и хину (одно из наиболее горьких веществ), нам никогда не удастся воспроизвести вкус мясной котлеты или шоколада.

Оказывается, чтобы получить от пищи наслаждение, одних вкусовых ощущений недостаточно. Нужны другие. В числе самых важных — обоняние. Человек, не воспринимающий запах пищи, перестает ощущать и ее вкус. В этом каждый может убедиться сам. Закройте глаза, крепко зажмите нос, задержите дыхание (чтобы с вдыхаемым воздухом пахучие вещества не проникли в полость носа) и попросите товарища положить вам на язык кусочек яблока или лука. Узнать их по вкусу не удастся. И яблоко и лук будут казаться сладковатыми.

Для определения вкуса пищи очень важны температурные ощущения. Подогретые арбуз и огурец, остывшее жаркое покажутся невкусными. На самом деле вкус остывающего жаркого никак не меняется, ведь химический состав его остается прежним. Все дело только в теплоощущении.

Осязательное чувство зависит от формы, размера и твердости частичек пищи. Кажется, что каша, сваренная жидко и круто, имеет различный вкус. На самом деле это результат вмешательства осязательного чувства. Экстракт, полученный из круто или жидко сваренной пищи, на вкус не-

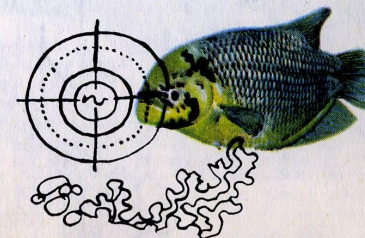
различим. Неприятные осязательные ощущения возникают, когда мы едим холодное мясо, так как остывший жир размазывается тоненьким слоем по языку, небу и деснам.

Твердое мясо кажется невкусным из-за вмешательства дополнительных ощущений, возникающих в жевательных мышцах (возрастает нагрузка).

Наконец, на вкус пищи влияют болевые ощущения. Острый жгучий вкус вызывают многие приправы: перец, горчица, лук. Вяжущий вкус черемухи и незрелых фруктов возникает под действием дубильных веществ, раздражающих слизистую оболочку языка и ротовой полости.

По-видимому, вкус — единственный орган чувств, который сильно развит и у человека и у животных. 10 тысяч вкусовых сосочков — это достаточно много, если иметь в виду, что человеческий язык невелик. У коровы их 25 тысяч, но на ее большом языке они разбросаны менее густо, и ее способность воспринимать вкусовые ощущения вряд ли выше, чем у человека. Много вкусовых сосочков у кролика, почти 17 тысяч. У птиц их мало. Крупные попугаи имеют до четырех сотен сосочков, у мелких птичек — 60, у голубя — 25—60. Видимо, для зерноядных птиц вкус не имеет большого значения. Многие из них глотают зерна прямо в скорлупе, не разгрызая. А ведь вкус «тары» должен значительно отличаться от содержимого. Впрочем, и с малым количеством вкусовых сосочков многие птицы проявляют себя виртуозными дегустаторами. Те же голуби могут отличить на вкус растительный белок от крахмала. Зерна с удаленными зародышами, в которых сосредоточено основное количество белка, они есть не станут. Секунду-две подержав такое зерно в клюве, голубь бросит его как несъедобное. Человек различить на вкус такие зерна не может.

Чемпионами среди лакомок следует признать... рыб! Вся полость рта от пищевода до губ усылана у них вкусовыми сосочками. Мало того, у многих рыб они находят-

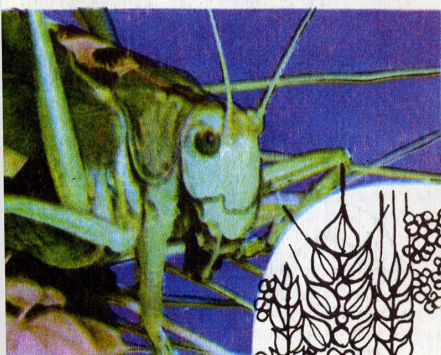
ся на усиках, жабрах, голове, плавниках и даже разбросаны по всему телу. Особенно их много, сотни тысяч, у карпов и пресноводных сомов.

Расположенные в коже вкусовые почки нередко называют химическими анализаторами, так как они информируют рыбу о всех веществах, растворенных в воде, не обязательно пищевых. Рыбы умело пользуются ими. Хек и морской петух роются в донном иле плавниками, усеянными вкусовыми почками, и определяют на вкус, есть ли там что-нибудь съедобное.

У бабочек и мясных мух органом вкуса могут служить передние лапки. Это очень удобно. Приземлится насекомое на какой-нибудь предмет — и сразу ясно, съедобен ли он. Вкусовая чувствительность лапок мясной мухи в 5 раз выше вкусовой чувствительности хоботка. А если насекомое заставить поголодать, она вырастет в сотни раз.

Но, как это ни покажется странным, есть существа, которые обходятся без вкусовых ощущений. Клещи узнают животных, к которым они хотят присосаться, по запаху и по теплу тела. Неудивительно, что клещи будут сосать любую подогретую жидкость, налитую в мешочек из тонкой пленки. Вкус жидкости не имеет значения. Она может быть соленой, кислой, сладкой или горькой, в общем, совсем непохожей на кровь, а клещ будет сосать ее с завидным усердием.

Возможно, каждое из четырех вкусовых ощущений возникает лишь в специализированных вкусовых почках. У человека к сладкому чувствителен кончик языка, к кислому — его края, к соленому — кончик и края, к горькому — район около корня. Животные пользуются теми же ви-

дами вкусовых ощущений, но не каждое из них способно воспринимать все четыре. Многим животным приходится довольствоваться двумя-тремя. У рыб вкусовые почки, расположенные на теле, усиках и плавниках, воспринимают лишь сладкое, кислое и соленое. Жук-водолюб ощущает кислое губными щупиками, а сладкое, соленое и горькое — челюстными.

Больше всего на свете сластен. И не только дети. Собаки, медведи, слоны, крысы и мыши очень любят сладкое. Для лошади даже арбузная корка покажется лакомством. Пчелы, осы, мухи и бабочки без ошибки отличают сахарный сироп от раствора соли, кислоты или горечи. Но есть животные, совершенно равнодушные к сладкому. Например, наша домашняя кошка.

Кисловатая и соленая пища приятна для большинства людей. Но лишь немногим нравятся горькие сорта пива, кофе и чай без сахара. Недаром столько усилий тратится на борьбу с горечью. Например, выведение сладких огурцов. Советские селекционеры затратили на это много лет труда. Работа увенчалась успехом. Однако химический анализ показал, что полностью избавиться от кукурбитацина, вещества с горьким вкусом, не удастся. Видимо, оно для чего-то необходимо растениям.

Пчелы, мухи и бабочки разделяют нашу неприязнь к горькому. Если в мед или сахарный сироп добавить горечи, они, попробовав, тотчас покинут приманку и больше к ней не вернуться. У лосей, зайцев, бобров и других травоядных животных вкусы иные. Для них кора молоденьких осин — непревзойденное лакомство, а для нас она нестерпимо горька.

Многие травоядные животные испытывают непреодолимое пристрастие к соленому. Джейраны, олени, лани, жирафы, зебры, зайцы и лоси нередко совершают длительные и опасные путешествия, чтобы полазать соль. Оказывается, в растениях, которыми они питаются, мало натрия — одного из элементов, входящих в состав поваренной соли. А натрий нужен для роста. И поэтому у этих животных выработалась высокая чувствительность к соленому. Человеку трудно отличить по вкусу поваренную соль от других соленых веществ. Животные не спугают этого никогда. Они уверенно выберут то соленое вещество, где есть натрий.

Может показаться, что вкус — весьма утонченное чувство. Но это только кажется. Сравните его с обонянием. Чтобы почувствовать вкус пищи, нам нужно в 25 тысяч раз больше молекул, чем для того, чтобы ощутить ее запах. Только к горечи мы более чувствительны. Вероятно, это объясняется тем, что большинство ядо-

витых для нас веществ (но далеко не все!) имеют горький вкус. Человек ощутит вкус, если в одном кубическом сантиметре раствора содержится не меньше:

60 230 000 000 000 000 000 молекул сахара,
30 115 000 000 000 000 000 молекул поваренной соли;
1 505 750 000 000 000 000 молекул лимонной кислоты;
60 230 000 000 000 000 молекул хинина.

Вкусовая чувствительность очень изменчива. Чем больше проголодается человек, тем обостреннее его вкус. Некоторые кислоты повышают чувствительность к сладкому. Когда выпекают печенье, сладкие булочки и другие кондитерские изделия, в тесто добавляют немного соли. Добавляют соль и в черный кофе. И не потому, что соль придает лакомствам какой-то особый вкус. Просто в небольших количествах она обостряет вкусовые ощущения.

Нетрудно и понизить вкусовую чувствительность. После конфет яблоки или другие фрукты кажутся нам несладкими. А после селедки хорошо посоленный суп — пресным. Ощущение сладости зависит от температуры пищи. Если подогреть раствор сахара до 37 градусов, то покажется, что он стал значительно слаще. При дальнейшем подогревании сладкий вкус будет уменьшаться.

Человека и животных можно временно лишить способности ощущать вкус пищи. В Средней Азии растет гимнема сильвестра. Если пожевать лист этого растения, полностью исчезнет чувствительность к сладкому. Кусочек сахара покажется совершенно безвкусным. А если возьмешь в рот несколько листьев, перестанешь чувствовать горечь. Человек не сможет отличить таблетку хинина, чрезвычайно горького вещества, от кусочка мела. Однако гимнема не мешает наслаждаться кислой и соленой пищей.

Ощутить вкус некоторых веществ можно только в растворе. Вкус конфет, печенья, галет и другой твердой пищи мы начинаем ощущать, лишь когда ее некоторая часть растворится в нашей слюне. В этом легко убедиться. Протрите досуха язык, закройте глаза и попросите товарища положить вам на язык кусочек сахара или хлеба, вы убедитесь, что по вкусу их не отличить.

Для ученых совершенно неожиданным оказалось, что у всех людей слона разная. Вероятно, на Земле нет двух человек с совершенно одинаковым составом слюны. И выполняет она очень важную роль. Вкус некоторых веществ можно ощутить, если они растворены в нашей собственной слюне.

До сих пор ученым неизвестно, что имен-

но придает веществам тот или иной вкус. Чисто соленый, без посторонних привкусов вкус имеет только поваренная соль, соединение атома натрия с атомом хлора. Соленый вкус сохраняется, если натрий заменить калием, литием, аммонием, магнием, а хлор — бромом, йодом, фтором. Многие соли азотной, серной, винной и угольной кислот соленоваты.

Сладкий вкус придает пище сахара. Самый сладкий — сахароза — добывается из сахарной свеклы или тростника. За ним по сладости идут фруктовый, виноградный и молочный сахара. Очень сладкими кажутся вещества, никакого отношения к сахарам не имеющие, — сахарин и цикламат. Многие соли бериллия и свинца, часто весьма ядовитые, имеют сладкий вкус. Кислый вкус придают пище водородные ионы. И чем больше их, тем она кислее.

Иногда вкусовые ощущения могут возникнуть самым неожиданным образом. С помощью импульсов слабого электрического тока можно вызвать на языке все четыре вида ощущений. Редкие и короткие импульсы создают ощущение сладкого, частые — кислого или соленого, редкие и длинные вызывают горечь.

Но еще неясно, как работают вкусовые рецепторы. Ученые предполагают, что насекомые реагируют на размер и форму молекул. У синей мухи вкусовые рецепторы находятся в волосках, покрывающих ее хоботок. В каждом волоске — три чувствительные клетки. Удалось выяснить, что одна из них реагирует на прикосновение к волоску, а две другие сообщают мухе о вкусе пищи. Надев на такой волосок

(Окончание см. на стр. 46)

В О Т Р О Г А Х С И Х О Т Э - А Л И Н Я

Продравшись сквозь кустарник, я взобрался на пологую зеленоверхую гору Шапка. Позади расстилось светло-синее Японское море. А небо, и солнце, и особая мягкость, исходящая от моря, говорили, что где-то рядом лежат благодатные теплые широты. Налетал ветерок, веяло нежной прохладой. Прозрачные сире-

невые облака да голубая дымка, низко опоясавшие горизонт, с трех сторон обступали этот кусочек суши. Более ста лет его называют островом Петрова.

Рядом лежал берег Приморья. Когда-то, двенадцать веков назад, остров служил убежищем воинов. И теперь еще на пологом западном берегу его видны развали-

ны каменных стен, густо поросшие гигантскими травами зонтичных и щавеля, цветками ярко-красной сараны и корявыми деревцами маньчжурской яблони. Вправо и влево подковой расходятся неприступные скалы. Море и ветры изваяли из них огромные причудливые фигуры: фантастических чудищ, оберегающих покой этого

уединенного мирка, лики стариков и старух, угрюмо взирающих за море, на суетный мир. Все остальное — леса, до самой горы Шапка, поднявшейся над волнами на 114 метров.

Летом бывают туманы, хотя в июле ртутный столбик нередко держится у цифры 34. Еще теплее в августе, но зачастую льют

дожди. К середине октября небо проясняется, наступает пора чудесной приморской осени. Расцвеченный самыми неожиданными красками, погруженный в безмолвие, островок полон очарования. Под сомкнутыми кронами хвойно-широколиственных лесов пышный ковер тенелюбивых растений. Даже на солнце здесь прохладно, веет сыростью. Зеленый полумрак кугает замшелые стволы искривленных лип, густые папоротники, майники и черемшу, повисает на плетях винограда и актинидий, на тисах, перевитых сверху донизу лианой кишмиша, укрывает тропинки. Лишь розовые цветы азалий мерцают, словно звездочки. И кажется, будто не только русская земля, но и тишина тоже начинается здесь.

У берега, выбегая из леса к морю, царят травы, огромные и малые, яркие и совсем скромные. Даже из расщелин скал рядом с горемычными сахалинскими вишенками свисают над гребнями прибрежных метелки амурских гвоздик.

Под ними — шумные птицы «базары». Кричат бакланы, рокочет море, таящее несметные полчища морской живности. Особенно много иглокожих и моллюсков меж камней полукилометровой насыпной дамбы. Дамба соединяла когда-то остров-крепость с материком. И сейчас она видна под гладью моря, словно нить, протянувшаяся из глубины веков к современному острову.

Приморский берег встречает море невысокими скальными обрывами. А за ними, синевя и растворяясь у горизонта, уходят на запад зеленоверхие отроги хребтов горной страны Сихотэ-Алинь. В ее распадах и урочищах, на склонах сопков, в долинах рек и по берегам озер, примыкая к морю, между реками Судзухэ и Таухэ, раскинулся Лазовский государственный заповедник имени Л. Г. Капланова.

Красивы и своеобразны южные отроги Сихотэ-Алиня. Рельеф мудреный, с невысокими, но довольно суровыми вершинами. Тайгу прорезает бурная река Ванчин и множество кристально чистых ледяных ключей. Но встречаются и теплые минеральные источники. Тайга непрерывно полнится шумом их водопадов и перекатов.

О природе Приморья первые исследователи писали с удивлением и восхищением: «Соболь здесь встречается с тигром, а виноград обвивает ель». И вправду, загадки всюду. Среди аянских елей, возле северянки голубики поднимаются южные лианы, растет маньчжурский орех и легендарный женшень.

Вековая тайга не безмолвствует. Днем и ночью в грохот потоков и шум разливов, в ледяное безмолвие речных далей влетают голоса обитателей леса. Он радуш-

но покровительствует как северянам, так и выходцам с юга. Бурый медведь и рысь, лиса, кабан и волк чувствуют себя здесь нисколько не хуже, чем леопард или тигр, а соболь и маньчжурский заяц живут рядом.

Печальна история редкого животного — горала. Коричнево-бурый, он несколько напоминает небольшого домашнего козла, только рожки маленькие, острые. Обитает горал в скалах, у берегов Японского моря. Он плохо видит и слышит, поэтому полагается больше на чутье.

— Горал мало изучен, — рассказывал мне один из научных сотрудников, третий год днями и ночами пропадающий в горах, чтобы изучить жизнь этого безобидного животного. — Он служит легкой добычей браконьеров, поэтому на юге Приморья находится под угрозой полного истребления. И все из-за своего странного характера. Хотя и очень осторожен, но весьма любопытен и ведет себя с человеком не как другие животные. При встрече не убегает, а долго приглядывается, сердито покачивая хвостиком и топая копытцами. Делает иногда даже несколько шагов навстречу опасности, угрожающе блеет — и только потом скрывается. Иногда можно спокойно пройти рядом с горалом, и он даже не встанет.

Гордость заповедника — дикий пятнистый олень. Чуткое, изящное и грациозное животное. За красоту и гордую осанку называют его «олень-цветок». Главное, что влечет к пятнистому оленю человека, — рога, темно-розовые бархатистые панты. Об их целительных свойствах знали давно и ради этого убивали животных.

Сейчас более трехсот пятнистых оленей насчитывает заповедник. Живут они стадами, каждое из которых возглавляет старая самка. С ней оленухи, телята и двухгодовалые самцы — сайки. Взрослые рогачи держатся особняком, небольшими группами. В случае тревоги животные издают громкий характерный свист. Оленухи-матери столь нежны к малышам, что зачастую ласкают и кормят даже чужих. Однажды, выйдя на опушку дубовой рощи, я невольно стал свидетелем такой сценки. Паслось стадо. Несколько сайков и самок оцциливали листья маньчжурской аралии. Тут же резвились малыши. Одна оленуха любовно и тщательно вылизывала свое чадо. Другая, у которой не было своего малыша, долго наблюдала за ними. Потом подошла и стала вылизывать олененка с другого бока. Мать продолжала свое дело, не обращая на постороннюю никакого внимания.

Славу на весь мир создают заповеднику уссурийские тигры. Если полвека назад их

оставалось немного, а на Дальнем Востоке они были почти выбиты, то сейчас только в заповеднике их более двадцати. Человека звери не пугаются, но никогда не нападают, проявляя почитительность и некоторую осторожность.

Более века назад, в годы рождения Владивостока, тигр был главным зверем тайги. Чувствовал себя здесь полным хозяином. Пожирал собак у горожан, нападал на скот. До сих пор в городе сохранилось название Тигровая сопка, а на гербе Владивостока — изображение тигра.

Заповедник носит имя Л. Г. Капланова. Коренной москвич, почти всю свою жизнь он провел в тайге. Начав с кружка юных биологов Московского зоопарка, Капланов стал настоящим зоологом, самообычным ученым, защитником уссурийских тиг-

ров. Он погиб рано, в тридцать два года. Погиб трагически в первую весну минувшей войны, героически вступив в единоборство с браконьерами.

Сбылась мечта ученого. Уссурийские тигры взяты под строгую охрану и встречаются в Приморье во многих местах. Десятилетия преобразили таежный край. Множатся стада изюбров и пятнистых оленей, сохраняется и обновляется зеленый мир. За тридцать восемь лет в заповеднике над этим потрудилось немало таежных следопытов, работающих на самом краю родной земли, первыми встречающих солнечную радугу, сверкающую в пыли океанского прибоя.

А. Цытович
Фото автора

ЗНАТЬ беречь множить

Каждое лето путешествуют вместе со своим учителем Н. Н. Щербаковым ребята из 717-й московской школы. Все походы снимают они на пленку. О многом рассказывают фотографии.

Прошли, например, по лесу — не только сосчитали на своем пути все муравейники, но и огородили их, чтобы не пострадали лесные санитары от незваных гостей. Не только много нового и интересного узнают ребята в этих походах. Дни и ночи, проведенные в лесу, учат их еще больше любить родную землю.

Сегодня Н. Н. Щербаков рассказывает о том, чем занимались ребята прошлым летом.

Вот уже несколько лет я плаваю с ребятами на самодельном плоту по верхней Волге. В конце пути наш плот неизменно пристает к одному и тому же выступу, который вдаётся в Волгу. Он находится на правом берегу реки, в 5—6 километрах от города Старица Калининской области. На середине каменистого выступа — большой родник с чистой холодной водой. В жаркое время приятно напиться из него. Особенно радует он на восходе солнца. В прозрачной шапке воды высотой до полуметра преломляются лучи солнца, и вода переливается всеми цветами радуги. Из родника вытекает небольшой ручеек, который по камням сбегает в Волгу. Вода в роднике вкусная и холодная.

Кто-то из ребят предложил провести обследование ручейков и ключей на нашем пути следования — от села Большая Коша до города Старицы. Сколько их впадает в Волгу, пополняя ее запасы?

Мы обратились за помощью и советом в Гидропроект, в отдел изысканий. Для проведения работы нужны были приборы. От Гидропроекта мы получили: вертушку для измерения скорости воды, различные термометры для определения температуры воды, водомерные рейки. Круг для определения прозрачности воды сделали сами. Сотрудники Гидропроекта провели несколько занятий в нашей школе, на которых ребята получили необходимые знания. Конечно, за один месяц выполнить всю намеченную работу невозможно. Мы рассчитываем закончить ее в 1975 году, а полученные результаты передать в Гидропроект.

Плот мы собирали несколько дней на берегу реки Большая Коша — левого притока верхней Волги. Готовили байдарки. Ребята брали с собой приборы и записные книжки. Летом мы частично обследовали левый берег Волги. Зарегистрировали

120 родников и маленьких ручейков. Чтобы не пропустить родник и ручеек, затерявшийся в густой траве, мы шли по берегу пешком. За один день ребята проходили пешком по берегу до 20 километров.

Мы произвели не только измерения, но и сделали около родников скамейки, повесили на колышки банки, чтобы усталый путник мог попить родниковой воды.

Родники ребята очищали от ила, обкладывали камешками, делали канавки для стока воды. Кроме того, ребята расспрашивали местных жителей, где раньше были еще родники. Сведения заносили в блок-

ноты и тетради. Собранный материал обрабатывали на стоянках плота.

С каждым днем мы приближались к последней нашей стоянке. Ребят радовала встреча с «нашим» родником, ставшим за несколько лет родным и близким. Хотелось поскорее взять в ладони прозрачную воду и досыта напиться.

Плот пристал к берегу. Ребята побежали к роднику и не нашли его. Вечером к нам подошли наши давние друзья — пастухи и рассказали, что в этом году родник никого не поил водой. Встретимся ли мы с ним через год?

ЖЕМЧУГ РИСОВЫХ ЗЕРЕН

Небо над степью голубое-голубое. В тонкой голубизне его растворился жаворонок. Но осталась от него песня, звонкая и нежная. Песня эта, одна на всю бескрайнюю степь, зачаровывала.

Галья Рябкова отстала от бригады. Валерий Григорьевич Ганюшник, руководитель ученической производственной бригады, вел ребят, как они говорили сами, на экскурсию — знакомиться с чеками, на которых предстояло работать.

Спешить не хотелось. Привораживала степь, не пускала. Ласковая, добрая, стелилась под ноги, дарила такие редкие на этих землях маки и тюльпаны. Гале хотелось коснуться ладонями теплой земли, погладить всю степь, необъятную, убегающую за горизонт.

Галья знала, что только весной степь бывает такой тихой. Другая она осенью. Однажды три дня не унималась. Словно невидимые всадники проскакали по ней, подняли пыль. Та не хотела опускаться, утихнуть, носилась по полям, с бешеным свистом кидалась на село. В окна, в дверь жалобно и моляще стучалась всю ночь ветер. И ему, видно, стало неуютно в родной степи.

В такие поздние вечера с разгулявшейся пыльной бурей Галья вспоминала другие, родные края. Ведь выросла она в Костромской области, среди лесов. Там поздней осенью по ночам в ставни тоже стучал ветер, но он был белый, косматый, вьюжный. А крымские степи не радовали снегом и зимой. Прикроет землю тонкое снежное покрывало, да тут же и растает, ни на лыжах, ни на санках не покатаешься. Да если бы вдруг и лег снег надолго, все равно нет горок, даже ни холмика крутом.

Когда семья переселилась в Крым, в совхоз «Пятиозерный», Галья никак не могла привыкнуть к степным просторам. Там, где выросла Галья, вокруг полей водят хороводы березы и елки, почти к самому краю поля подбирается дрожащий осинник, сплошной стеной подступает орешник. Здесь же, в степи, так далеко видно, что глаз не хватает. Но постепенно полюбила Галья изменчивую, своенравную степь. И в этом помогли ей рисовые чеки.

Сегодня бригада шла в седьмой раз на свое опытное поле. Трудно вырастить рис! На первый взгляд кажется, что зальют поле водой после посева, так и растут в ней рисовые метелки до осени. Но это на первый взгляд.

Только лягут в землю семена — ровное, гладкое зеркало воды разливается вокруг. Но не для того, чтобы смотреть в него белые облака. Это голубое «зеркало» спрячет все неровности чека. Потом жди, когда земля впитает воду. Появятся у хрупкого растенияца третий лист — снова покроет чеки вода. Теперь смотри, когда растения заполнят все поле. Опять спадет вода, и тогда обрабатывают поле гербицидами, подкормят с воздуха. А потом уже до осени зальют поле водой. Как только достигнет рис молочной спелости, переколют ее, чтобы просохла земля. Потом комбайн скосит рис, и дня три будет он подсыхать в валках. Лишь после того, как обмолют его, станет он белым, каким привыкли его видеть все. Тогда будут похожи рисинки на маленькие жемчужины, а до тех пор прячутся они за коричневыми чешуйками, как жемчуг за створками серых раковин.

Разве интересно, подумают некоторые, все шесть лет выращивать только рис?

Рис. И. Филиппова

«Интересно», — скажут юные рисоводы. Ведь все эти годы они проводили и опыты. Но самый главный из опытов — выявление предшественника.

Рис нельзя постоянно сеять на одном и том же месте. Почва заболачивается, сорняки снижают урожай. Оттого что на поле каждый год вода, в земле накапливается много серы, и рис гибнет. Потому-то и нужен ему предшественник.

Не один год потребовался ребятам, чтобы выяснить, кто же этот таинственный незнакомец. Сеяли кукурузу и свеклу, но ничего не получилось. После свеклы остаются рытвины, а ведь чек должен быть ровным, а корни кукурузы мешали сеvu. Не пригодилась и пшеница. Она заносила в землю такую болезнь, как фузариоз.

Тогда посеяли люцерну. Несколько раз повторили опыт — люцерна выдержала все испытания. Два года нужно сеять ее на поле, а потом уже рис. Люцерна — достойный предшественник: накапливает в почве органические вещества, повышает ее плодородие, помогает бороться с засолением и заболачиванием, ее боятся сорняки. Около 60 центнеров с гектара собрали ребята на своем поле после люцерны.

Звенел над степью невидимый жаворонок. До самых чеков довела ребят его песня. Поле выделял бригаде совхоз «Пятиозерный». Юным рисоводам доверяли, но не только потому, что их много — 180 человек, и все они уже взрослые — учащиеся 9—10-х классов. Трудилась на совесть, и урожаями славилась их бригада. Только вот в прошлом году, сколько ни старались, собрали всего около 50 центнеров с гектара. Чеки были новые, и люцерна на них раньше не росла. К тому же посеяли рис поздно, а лето, как назло, выдалось дождливым: не хватало растениям солнечного тепла. А уж как старались!

Галья любила приезжать на плантацию ранним утром. С чеков смотрела на село. Дремали белые домики в солнечном тумане, словно накрытые полупрозрачным покрывалом. Однажды остановилась Галья недалеко от чеков пораженная: среди зеленого риса в розовой утренней дымке застыла на одной ноге белая цапля. Птица забрела сюда из Каркинитского залива, чеки-то недалеко от Сиваша. Но чаще всего не замечала Галья красоты степного утра. Нередко приходилось в то лето брать лопаты и прорывать дренаж, если не уходила из чека лишняя вода. А однажды...

Сейчас это кажется смешным, а тогда Галья испугалась не на шутку. Подошла к чекам, а дежурных (в этот день ими были мальчишки) на месте нет. «Что такое? Как же можно оставить поле?» И впервые, наверное, Галья не знала, что ей делать. Ни разу еще не случилось такого, чтобы на поле не было дежурных. И тут Галья увидела, что работа выполнена: вся выдернутая трава аккуратно сложена. И вдруг объявились пропавшие дежурные — оказывается, рыбу рядом ловили. Так и не сказали они Гале, нарочно ли спрятались, когда увидели ее, или увлеклись рыбалкой.

Да, о многом вспомнишь в весенней степи. И все из-за жаворонка. Каждый год провожает он ребят до чеков. В этот солнечный день хочется ему, наверное, спеть ребятам сразу все свои песни. Пока они лишь одни над степью. Но совсем скоро прибавится к ним долгожданный рокот тракторов. Врежется в теплую землю плуг, и с началом первой борозды начнется у бригады беспокойная трудовая жизнь.

Село Таврическое
Крымской области

Т. Голованова

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

МАРТ

Федор ТЮТЧЕВ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!»

Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед».

Весна идет, весна идет —
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

Работяга

Одно время я долго работал на севере — в Ленинградской области. Моему сыну-первокласснику с первого раза так понравились леса, что каждое воскресенье звал он меня: пойдём да пойдём в лес. Погода, не погода, а приходилось брать посошок и уходить из дому.

Только наши шаги да глуховатый стук дятла наполняли притихший лес.

— Это дятел? — шепотом спросил сын.

Я кивнул головой.

— Давай посмотрим!

Немного похажив от дерева к дереву, мы наконец нашли его на одиноко стоящей усохшей березе.

Это был необыкновенно большой, черный, энергичный и занятой дятел. На наше появление он не обратил ни малейшего внимания. Своим длинным клювом он так самозабвенно долбил кору, что от березы только куски летели.

Мы осторожно подкрались поближе к лесному труженику. Почти не дышали. А малиновоголовый красавец прицепился к стволу когтистыми лапами, снизу в ствол уперся хвостом и ну долбить кору клювом. Да так с маху — трах-трах! — и отковырнет. Потом перескочит на другую сторону и оттуда подденет сухую бересту, да так стружкой, стружкой и гонит ее вокруг ствола. Опять перескочит на старое место и отрубит стружку — трах-трах!

Береза от макушки до основания уже покрыта охряными пятнами сковырнутой коры. Лакомое дерево отыскал себе длинноносый! Надолго хватит.

Мы приблизились еще на несколько шагов. Каждое перышко видно стало. Но тут дятел повернул в нашу сторону голову, недовольно посмотрел, легко оттолкнулся от ствола и с сердитым криком упорхнул в чащу. По голосу его было понятно, что он сказал: «Только работать мешааете, бездельники!»

Пионеры весны

Это только астрономически весна везде начинается в одно и то же время, что в Мурманске, что в Сухуми. На самом же деле в каждой стороне, в каждом городе она имеет свой срок, свою особенность и свой ни с чем не сравнимый аромат.

Весна в Феодосии как по календарю — в марте. И не потому, что вокруг становится тепло и цветасто. Совсем наоборот. Крымский март — месяц неустойчивый, месяц злых ветров, холодных дождей вперемежку с горячим солнцем, месяц kloкочущего моря и белой снежной шапки на Карадаге. С гор к морю наперегонки несутся по мостовым мутные пузырящиеся потоки талой воды. Словом, в иные дни и не верится, что когда-то придет настоящая весна. Именно в эти дни в уютных ложбинках гор, в садах у высоких заборов начинает зацветать миндаль.

Удивительное это цветение среди слякоти и ненастья выглядит трогательно и упрямо. Нездешнему человеку странно видеть нежные бледно-сиреневые цветы в капризные дни пронзительной приморской весны. Но выдастся погожий денек, чуть пригреет высокое солнце, каким пышным, веселым и гордым предстанет перед всеми непокорный миндаль.

А самое главное — неотвратимо поверишь — скоро крымское лето.

Ю. Калинин

Рис. И. Кошкарёва
Фото Р. Воронова
и В. Гуменюка

Снежная грусть

Легко скользят по ноздреватому снегу мои лыжи. Оседает, грустно вздыхая по былому своему, зимнему величию, снег.

Март на исходе. Вон и глинистые берега реки уже прорезались в снегах красной глухарьиной бровью. Буроватые кочки на лугу, словно лежбище каланов, старательно греют на мартовском солнце давно озябшие спины.

Ручей проснулся в Ольховом лугу.

Ветер южный подул.

Понимает снег, что недолго ему жить осталось. Вот и вздыхает грустно.

А ребятишкам весело!

Скворечники на липе развесили. Кораблики к вешним ручьям готовят.

А. Рыжов

Началось все со скворцов, самых первых, весенних скворцов. Мы в тот раз в лесу были. Мы — это фенологи. Увлечение наше беспокойное — ни зимой, ни летом дома не усидишь, даже если погода вот как сейчас: метель и мороз до костей пробирают. Здесь не только скворцов, волка удивительно встретить, сидит, поди, в своем логове и зубами шелкает. И вдруг на тебе! Вот они, скворцы! Спокойненько разгуливают по проталинам, корм собирают. Так вот почему они не боятся так рано прилетать — у них есть где спрятаться на случай похолодания. Здесь, в лесу-то, теплее, ветра нет.

У нас ни одна весна без холодов не обходится. Иногда снег весь сойдет, зелень появится, уж и забывать начнешь, какие это морозы бываю. И вдруг света белого не видно, заметет, закрутит, снега по колено навалит, не только лужи, реки замерзнут, листья на деревьях почернеют и свернутся, как кипятком ошпаренные. Смотреть жалко. Вспомнишь тут про ранних скворцук — замерзнут ведь, бедные! Каково-то им в такую стужу! И зачем только они рано так прилетают!

Теперь вот увидели их в лесу — обрадовались. Нет, умеют, оказывается, птицы постоять за себя. Разгуляются вьюга да мороз на открытых местах — и птицы сразу в лес, где потише да теплее, а главное, на проталинах прокормиться можно. Переждут такую передрыгу эти первые смелые разведчики и снова разлетаются скворечники искать.

Смотрели мы на бегающих по проталинам скворцов, а самая маленькая среди нас, Нея, и спрашивает:

— А почему это первые проталины в лесу есть только около деревьев?

— Ну, здесь все очень просто, — объяснил ей Саша Кравченко, — солнышко нагревает темный ствол дерева больше, чем белый снег, а уж от теплого ствола и снег тает вокруг дерева.

— Тогда приствольные круги должны быть только с южной стороны. А посмотрите, они почти равномерно расположились вокруг каждого дерева.

Вот тогда и было решено осуществить операцию ПК (приствольный круг). Мы развернулись цепью и прочесали весь участок леса, где заметили скворцов, пасущихся на спасительных для них лужайках. Мы обнаружили, что приствольные круги действительно не все одинаковые. Встречаются такие, у которых ствол дерева

АЗБУКА народной мудрости

ПТИЦЕ КРЫЛЬЯ НЕ В ТЯГОСТЬ

Все птицы крыльями машут, да не все летают.

Без хвоста и пичужка не красна. И рыба и птица хвостом правит. Всякая птичка свои песенки поет. Всякая птица своим клювом сыта. На обед пичужке довольно и мушки. Перелетная птица течет стаями — к дружной весне.

Птицы вьют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету.

Малые птички свивают малые гнезда. Всякая птица свое гнездо любит. В одиночку и птицы в лесу не живут. Хорошо птичке в золотой клетке, а лучше того на зеленой ветке.

Птицы играют — будет дождь. Птица входит в воду — к дождю. Птицы примолкли — жди грома. Летние птицы улетают — с ними уходит и лето.

В. Рудский

ЖДЕМ ОТВЕТА, К СЛЕДОПЫТ!

Чей это клюв?

Полярные растения и травянистые растения средней и южной полосы, появляющиеся и цветущие ранней весной, всегда опушены. Для чего служит это опушение?

На весеннем снегу появились какие-то членистоногие животные, похожие на насекомых. Что они на снегу делают? Откуда появились?

Появились порхающие бабочки, разные по цвету. Часть из них зимовала во взрослом состоянии, часть в стадии куколок. Можно ли узнать по внешнему виду, какая из бабочек зимовала, а какая только что вывелась?

Чей это след?

Около кормушки держится пара больших синиц. Летая в окрестный сад, они как будто бы что-то ищут. Что же ищут синицы?

В лесу на снегу видны крупные птичьи следы и параллельно им какие-то черточки. Кто тут ходил?

Весной можно увидеть во время икрометания голубую лягушку. Что это такое?

В лесу стоит ствол березы, в коре которого по кругу проделаны на довольно большой высоте квадратные дырочки, из них вытекает сок. Кто пробил эти дырочки и зачем?

Летопись природы

Затяжная оттепель сменялась легким подмораживанием. Рыхлый снег окреп, зачерствел. Из белой книги зимы пока не вырвана ни одна страница. «Февраль воду подпустит, март подберет» — сказано об этой поре в народном календаре. Но вот подули сырые ветры, низкое небо затуманилось и посерело, погода снова переламывается к теплу. В один из таких дней как бы неожиданно встретишь одиночных грачей: тянут в мгlistом воздухе к молчаливой роще. Но запись о прилете этой птицы сделают позже.

Одиночные грачи всего лишь вестовые. Вот когда на гнездовую колонию нагрянет целая стая птиц, тогда фенологическое явление свершится в полной

мере. В последние десятилетия в связи с некоторым климатическим сдвигом в сторону потепления дата эта все более опережает средние многолетние сроки. Раньше, лет пятьдесят назад, массовое появление грачей на гнездовьях в центре России приходилось в среднем на 17 марта, теперь же птицы появляются на неделю раньше.

Весна ведет свой счет с даты активного снеготаяния. Оно начинается с того дня, когда снег поддастся на ровной целине: убыль его хорошо заметна по вытаявшим прутикам, засыпанным в метели.

В тени холодно, а на солнце каплет. Снег день ото дня слеживается, уплотняется, на вид он зернист и черен. За теплые сутки снежное поле уменьшается на пять сантиметров. Если зимой грязь — пособница таянию, то теперь, наоборот, зачерненные сугробы меньше поддаются действию лучей. К концу марта даже в многоснежье показываются проталины, ландшафт становится «зебро-

вым» — полосатым от остатков снега. Принарядились кусты вербы и козьей ивы.

С ясеней слетают последние семена. Продолговатыми клинышками валяются они под деревом. Роняет на снег застарелые иглы елка. Значит, через две недели забушует половодье.

Завершается март радостной новостью — прилетом скворцов. На склоне марта фенологи отмечают и первую песню жаворонка. Он начинает петь через день-два после прилета.

А на других широтах! В первой половине марта в пустынях Средней Азии просыпаются суслики. На Черноморском побережье Кавказа, в Батуми, зацветают серебристые акации, понтийские рододендроны и азалии. В двадцатых числах марта в Северном Казахстане у горноста я прибавляется семейство, а на Дальнем Востоке, в уссурийской тайге, только-только пробуждаются медведи.

А. Стрижев

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Еще пока веют ветры и метут метели, а под снегом растения уже начинают готовиться к весне. Раскопав на полянке снег, можно увидеть зеленые листочки и стебельки. Легко узнать среди них хвощ — тонкие бурые или зеленые безлистные побеги с черно-коричневой булавой на верхушке. К лету у хвоща вырастают и другие побеги, зеленые и ветвястые, похожие на пушистую елочку. Скромный хвощ, растущий на берегах рек и ручьев, — одно

из интереснейших растений, сохранившийся до наших дней представитель древней группы членистостебельных.

Далекими родственниками современных хвощей были каламиты каменноугольного периода. Это крупные деревья с членистыми стволами, небольшими листьями и разнообразными шишками со спорами. Найдено множество их окаменелых стволов, отпечатков корней, шишек, листьев. Шишки каламитов были своеобразны — среди простых листочков в них имелись листочки со спорами, а семян в них не было вовсе. Далеко разбрасывали каламиты свои споры, и выросли все новые и новые каламитовые леса.

Современные хвощи сохранили много своеобразия в строении и образе жизни. От подземного корневища вертикально

отходят зеленые побеги. На стебле сидят и листья — маленькие, бурые, треугольные. Они расположены по нескольку вокруг стебля и срослись все вместе. В отличие от большинства растений листья у хвоща не фотосинтезируют, поэтому питательные вещества образуются в зеленых стеблях. Часто стебель ветвится — так получается ажурная нежная елочка. На верхушках стеблей сидят булавовидные спороносные پوشки. Они тоже покрыты листочками, но эти листочки зонтиковидные и прячут под собой мешки со спорами. Попадая во влажное место, споры прорастают, и на свет появляются маленькие комочки, которые и растениями назвать трудно. Называют их заростками. На них образуются специальные органы, которые имеют клетки, дающие начало зародышу. И только из зародыша вырастает большой зеленый хвощ. Такой способ размножения кажется нам необычным, как если бы розы, тюльпаны и колокольчики сбрасывали на землю свои бутоны.

Хвощ размножается и вегетативно: его бурое корневище разрастается под землей, и все больше зеленых побегов тянется к свету.

Практическое значение хвощей невелико. Стебли их используют для мытья посуды. Для скота хвощи вредны — их стебли плохо перевариваются, да у некоторых видов и ядовиты. Если хвощи разрастаются в саду или на огороде, избавиться от них трудно — они легко размножаются и выносливы.

Молодые ростки хвоща в русских говорах называют «пестики» — молодой хвощ похож на пест. Подросшие хвощи зовут елками или сосенками. Взрослое растение, отдаленно напоминающее пучок волос или хвост, почти везде зовут хвощом. Лишь в некоторых местах можно услышать такие названия, как земляные орешки, бульбушки или песочная трава.

К. Глазунова

Казахстанское чудо

Сайгаки населяли Европу и Азию в те далекие времена, когда там водились мамонты. Еще в прошлом столетии их бесчисленные стада пересекали степи Украины, Южного Урала и Юго-Востока России. Позднее эти животные оказались под угрозой полного уничтожения. Распашка степей и, главное, неумеренная охота привели к тому, что лишь немногочисленные стада сайгаков сохранились в самых отдаленных уголках калмыцких степей, Казахстана и в пустынных районах республик Средней Азии.

Чтобы спасти животных, потребовалось взять их под охрану государства. 27 мая 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал постановление о полном запрете охоты на сайгаков в РСФСР. А в 1923 году это положение было распространено на Казахстан и Среднюю Азию. Велась и борьба с волками. В годы катастрофического сокращения численности сайгаков эти хищники были основными врагами нашей антилопы.

Стада сайгаков стали постепенно расти. И к середине пятидесятых годов поголовье этих животных достигло двух миллионов. Это позволило разрешить не только спортивную охоту на сайгаков, но и начать систематическую промысловую эксплуатацию дикого стада. Двести-триста тысяч сайгаков — таков «урожай» дикого сайгачьего стада, который ежегодно снимается без ущерба для основного поголовья животных.

Некоторые зоологи и экономисты считают, что разведение сайгаков в степных и полупустынных районах — одна из самых рациональных и экономически выгодных форм эксплуатации этих земель. Неприхотливые звери пасутся на самых незавидных с точки зрения животноводства пастбищах. Причем сайгаки никогда не портят их, как это делают домашние овцы и коровы при перегрузке угодий. Кочуя, звери кормятся буквально на ходу, срывают травы выборочно, так что это не угрожает опустошению пастбищ.

Возрождение сайгачьего стада, спасение этих зверей, считавшихся обреченными, западные зоологи иногда называют «казахстанским чудом». Тому, кто хоть раз повидал, как тысячные стада сайгаков волна за волной катятся по расцветающей в апреле степи, это определение не кажется слишком броским. Спасение этих замечательных животных действительно чудо!

Легкие изящные рога венчают нелепую голову с чудовищно вздутым и вытянутым носом — хоботом. Из-за этого странного украшения головы сайгака на тонкой шее кажется непропорционально тяжелой. Животное несет ее низко, почти над самой землей. Коротконогое удлинненное туловище похоже на овечье.

Глядя на сайгака, не сразу поверишь, что это одно из самых быстроногих млекопитающих планеты. Семьдесят и более километров в час пробегает он, уходя от опасности или спеша к далекому водопою. И такая скорость не мгновенный порыв, который накоротке изматывает животное, а ровная, уверенная иноходь прирожденно-го стайера.

Зоологи-систематики немало спорили, какое место эти необычные животные занимают среди других копытных. Большинство ученых считают сайгаков промежуточным звеном между антилопами и козлами. Некоторые выделяют их в особое подсемейство в обширной семье полорогих животных.

Своеобразен и образ жизни сайгаков. Даже северные олени не образуют таких колоссальных стад, как сайгаки. Порой они насчитывают до двухсот тысяч голов. И это несметное количество животных ухитряется прокормиться скудным пайком сухих степей и полупустынь.

Вот и кочуют сайгаки по бескрайним просторам Казахстана и Средней Азии в поисках свежих пастбищ. По 300—350 километров проходят ежедневно сайгачьи стада. А в тяжелые многоснежные годы, бывает, и больше. Летом — в клубах пыли и нередки при сорокаградусной жаре. И зимой искать корм и спастись от опасности приходится и в тридцати-сорокаградусные холода. Тогда-то и выручает сайгаков их нелепый хоботообразный нос. Он отлично выполняет роль респиратора, увлажнителя и грелки одновременно: не пропускает ни раскаленный, ни пыльный воздух, ни чересчур холодный.

Верблюду, чтобы не задохнуться во вре-

мя песчаных бурь, тоже потребовался увеличенный нос — респиратор. Но он намного уступает сайгачьему. Горбатуму жителю пустыни не приходится мчаться во весь опор сквозь тучи раскаленной пыли и в морозную мглу.

Сайгак чувствует себя хорошо и уверен в своей безопасности, только когда он в стаде. Вместе легче проторить дорогу в заснеженной степи. Тысячи настороженных глаз, чутких носов и ушей скорее замечают опасность. Крепко уснуть могут только те животные, которые находятся в центре. Остальные спят, как говорится, вполглаза. Они все время настороже. И конечно, первыми замечают опасность. Чтобы отдохнуть, им приходится поменяться местами с товарищами. И теперь оказавшиеся с краев сайгаки несут очередную сторожевую службу. Эта своеобразная смена караула происходит непрерывно. Считают, у этих антилоп имеются даже штатные сторожа — наиболее опытные животные.

Не раз среди сайгаков встречали ослепших зверей. Они не хуже здоровых уходили от опасности, ориентируясь по запаху и топоту копыт своих сородичей. Многие охотники наблюдали, что к стаду, в котором живет слепой сайгак, труднее подобраться незамеченным. Ведь взамен утраченному зрению у него особенно тонкими развиваются чутье и слух. Стадо помогает слепому сородичу, а он становится как бы сторожем своих соплеменников, оказывая им услугу за услугу.

Пока раненое или заболевшее животное следует со всеми, оно еще может выжить, в одиночку почти никогда. Однажды загнанный волками сайгак из последних сил стремился догнать своих сородичей, чтобы смешаться с ними. Это ему удалось. И хищники оставили в покое жертву: в кругу своих животных обретает новые силы и утраченную резвость. Как ни странно, но, уходя от опасности всем стадом, сайгаки развивают большую скорость, чем в одиночку. То ли сообща легче выбрать путь к спасению, то ли в беге им помогает

«чувство локтя», столь необходимое в трудную минуту?

Своеобразно ведут себя звери, когда сталкиваются с неожиданной опасностью. Вместо того чтобы броситься наутек, сайгак делает скачок-свечку — вперед и вверх. Конечно, он теряет драгоценный миг для бегства, но зато окружающие сайгаки вовремя замечают врага. Потрясенные животные, в свою очередь, оповещают других сигнальными прыжками. Волна беспокойства прокатывается по многотысячному стаду, и вот оно с ревом и топотом сбивается вместе, чтобы через мгновение пуститься вскачь.

Впрочем, если зверей потревожили волки, сайгакам вовсе не обязательно удирать. Здоровый сайгак бежит быстрее волка. И хищники, видя, что внезапное нападение не удалось, как правило, отступают перед многочисленным стадом, рев которого слышен за несколько километров. Смышленные волки проходят мимо сайгаков с таким видом, будто звери их вовсе не интересуют; они предпочитают нападать на отбившегося от сородичей незадачливого рогача, теленка, оставшегося без матери, или больное старое животное.

Не один раз обойдут сайгачье стадо серые разбойники, внимательно приглядываясь к животным, в поисках подходящей жертвы. Ничто не ускользает от их внимания. Нередко хищники делают проверочные броски — пробежки за отделившимися от основного стада животными. Но, убедившись, что добыча не по зубам, прекращают преследование.

Этот своеобразный санитарный надзор за сайгаками ведется изо дня в день на протяжении многих веков. И многие зоологи считают такие взаимоотношения хищных и травоядных животных совершенно необходимыми не только для поддержания равновесия в природе, но и для оздоровления дикого сайгачьего стада.

В декабре, когда у сайгаков начинается брачный период, самцы становятся крайне неуживчивыми, и многотысячные стада животных распадаются на мелкие табунки. В каждом — один рогач-предводитель и обычно от трех до тридцати самок. Почти весь месяц предводитель табунка не знает ни минуты покоя. Он бдитительно пасет своих подопечных, не давая им разбредаться или сбиться с другими табунками. Встречи самцов чаще всего кончаются драками. Соперники наносят друг другу удары рогами. И нередко победитель выигрывает бой нокаутом. Потом старается отогнать к своему табунку чужих самок.

В зимнее время основная часть сайгачьих табунов состоит из самок и молодых самцов, а старые рогачи, утратившие свой боевой пыл, образуют холостяцкие группы.

В поисках корма антилопы уходят от родного дома за сотни километров. Но уже в конце февраля могучий инстинкт напоминает самкам, что пора поворачивать к местам, где они некогда впервые увидели свет, — в самые глухие участки калмыцких степей и северные пустынные районы Бетпак-Далы. Как правило, это безводные необжитые районы, где сайгаков не беспокоят волки. Порой здесь собирается огромное количество сайгачих; и эти места так и называют «родильными домами». На каждом квадратном километре можно насчитать по тридцать-пятьдесят самок с телятами.

Первые три дня сайгачата таят там, где они появились на свет. Лежат неподвижно, плотно прижимаясь к земле. Они не шевельнутся, если даже к ним подойдет вплотную. А если возьмешь на руки, тревожно замякнут, призывая на помощь мать, и сайгачиха порой подбегает к двуногому нарушителю покоя. Грозного орла она отважно отгоняет ударами передних копыт, становясь на дыбы или свечкой подпрыгивая навстречу обидчику.

Как правило, сайгачата, рождающиеся чаще двойнями, лежат не рядом, а поодаль друг от друга: хоть один из малышей уцелеет. Впрочем, обнаружить затаявшегося малыша довольно трудно. Солнечные блики на желтовато-серой песчаной почве и пожухлые листья степного ревеня создают фон, с которым полностью сливаются прикишие к земле сайгачата. Кожные железы у детенышей еще не развиты, и издаваемый ими запах очень слаб. Вот почему их может не заметить даже самый чуткий хищник.

Матери навешают своих малышей около трех раз в сутки. Эти встречи очень опасны для сайгачат. Поэтому бывают они чрезвычайно краткими. Мать кормит малыша около минуты, и он снова затанцовывается или, пробежав несколько шагов в сторону, с ходу брыкается на землю, исчезая из поля зрения наблюдателя словно под шапкой-невидимкой.

Сайгачата растут буквально не по дням, а по часам. Недельный теленок щиплет траву и пережевывает жвачку, как и все взрослые антилопы. Матери еще долго подкармливают сайгачат молоком, которое вдвое жирнее коровьего, но оно уже не является их основной пищей.

Наступает время, когда самки с телятами собираются в громадные группы. Начинается великое кочевье. Не успев еще как следует встать на ноги, сайгачата уже разделяют со стадом все тяготы и опасности кочевой жизни.

В. Гусев,
охотовед

3 айгача появляются на свет вполне самостоятельными существами: зрячими, в шерстку одетыми и уже в первый же день после рождения бегать могут. Подкатится пушистый комочек к матери, напьется густого жирного молока — и сыт на неделю. Убежит зайчиха от своих малышей, да, бывает, и навсегда: либо убьет ее, либо съест кто-нибудь. Но не погибнут малыши, накормит их другая зайчиха, которая наткнется на них, пробегая мимо. Хотя найти зайчат не так-то просто: они большие мастера играть в прятки.

Большеголовые, с чуть прикрытыми глазами и прижатыми ушками, они незаметны среди серых сучков, сухих листьев и пучков прошлогодней травы. Удивительное умение прятаться и затаиваться спасает зайчат от многочисленных врагов. Неподвижных, их не увидят сверху острогладые орлы да коршуны. А четвероногие хищники не учуют зайчат. Подождут они лапках и почти не пахнут, ведь потовые железы находятся у них на лапках, на подушечках.

Подросший зайчонок старается есть траву вокруг себя. Меньше двигается, меньше оставляет следов пахучих. А те, что и оставит, быстро сдует роса или дождь. Пройдет хищник рядом и не заметит малыша. А если наткнется на него, несдобровать короткохвосту. Так в одиночку крепнут и подрастают белячихины малыши. У русака зайчата лежат в гнезде. И кормит их не любая зайчиха, оказавшаяся поблизости, а собственная мать. Живут русаки в открытых местах: в степях и полях. Найдет русак надежное укрытие, куда можно спрятать свое потомство, и крепко за него держится.

В семье муравьедов — три брата. Тот, кого вы видите на фотографии, средний, или таманду. Он вдвое меньше своего старшего брата, большого муравьеда, и когти на его передних лапах вдвое короче. Таманду — ловкий древолаз. По земле путешествует неохотно, предпочитает жить на деревьях, чаще всего на опушках леса. Днем спит в дуплах и развилках ветвей. На охоту отправляется вечером. Медленно ползает таманду по деревьям, отыскивая муравейник или термитник. Когтями разрушает постройки. Насекомых достает липким длинным языком.

Часами сидит днем коала на дереве, обхватив ветку передними лапами. Сидит неподвижно, молча и, даже когда не спит и смотрит по сторонам, все равно молчит. Голос подает, если его напугают или в случае опасности. А стоит зверя обидеть, он «плачет» как ребенок.

Этого смешного «плюшевого мишку» очень любят австралийцы. Он и вправду похож на игрушечного медведя: шерстка у него густая, пушистая, глазки маленькие, ушки настороженные и приплюснутый нос.

На языке аборигенов коала значит «не пить». И действительно, этот зверь, можно сказать, никогда не пьет. Ему хватает влаги, которую он получает, питаясь молодыми эвкалиптовыми листьями. Причем срывает их лишь с определенных видов этих деревьев, обычно тех, которые богаче эвкалиптовым маслом. Другой пищи коала не ест. Даже голодая, он не станет пробовать непривычные для него растения.

Но вот что странно. Когда биохимики исследовали листья эвкалиптов, они нашли в некоторых синильную кислоту — яд страшный, который убивает даже баранов. Выходит, не зря эти звери так привередливы в выборе пищи. Очевидно, они умеют распознавать этот яд или оценивать его дозу.

Зверь коала — сумчатый. Всю свою жизнь проводит он на дереве. На землю спускается лишь изредка, чтобы перебраться с одного эвкалипта на другой или когда предчувствует смерть.

Долгое время о носорогах говорили как о животных с дурными повадками. И действительно, нельзя заранее предугадать, как поведет себя это очень темпераментное животное.

Индийский носорог и черный носорог из Африки пользуются особенно плохой репутацией. Как тот, так и другой в любой момент могут ринуться на побеспокоившего его человека или предмет, будь это даже слон или паровоз. Часто носорог может напасть безо всякой видимой причины, а иногда при тех же обстоятельствах повернется и неуклюже затопает прочь, не проявив никаких признаков злобы или желания напасть.

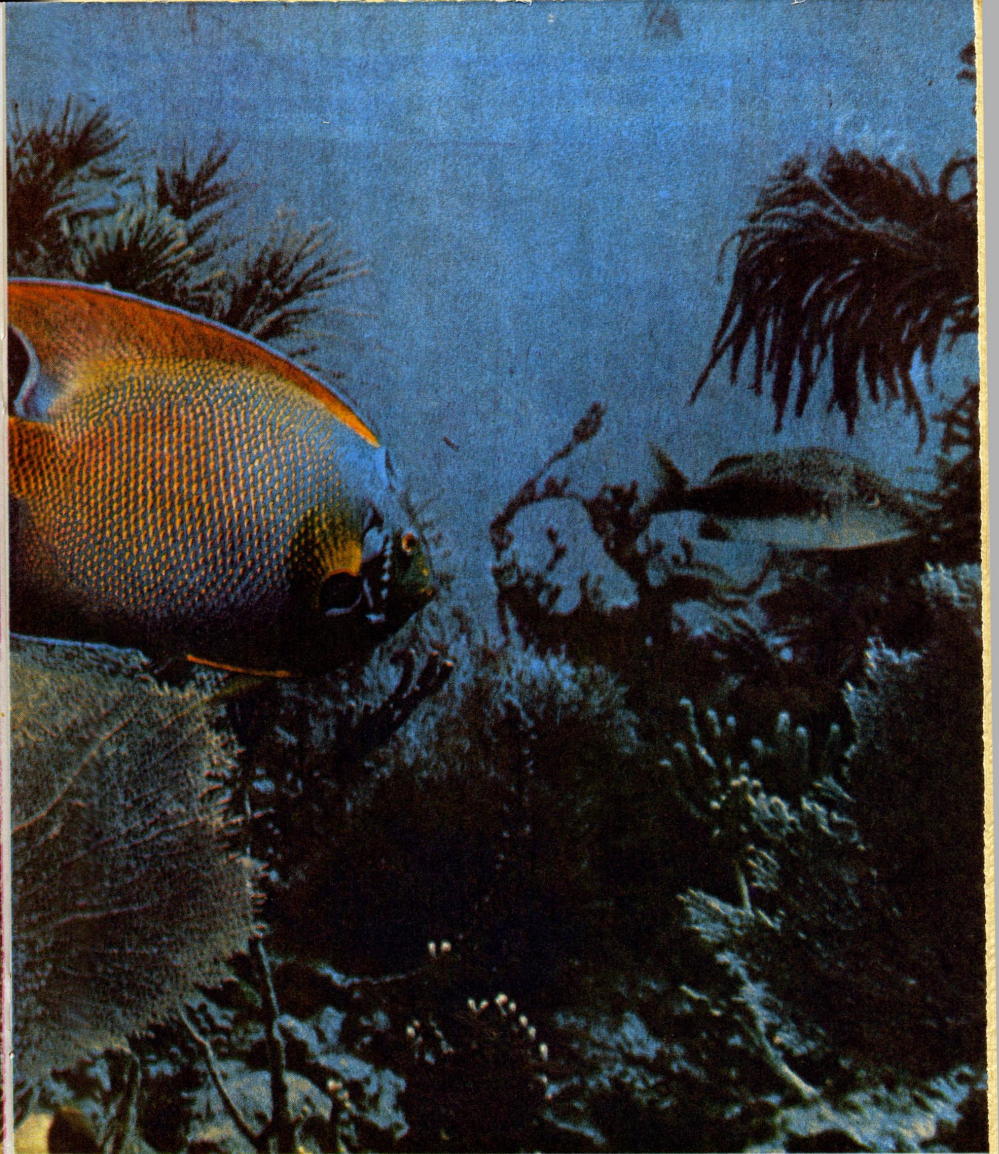
Во время взрывов бешенства это чудовище с громким ворчанием носится вокруг разозлившего его предмета или животного, начисто вытаптывая растительность и вспахивая своим рогом землю.

Словно на карнавал собрались жители коралловых рифов. Яркие, многоцветные, фантастически разрисованные всевозможными полосами и пятнами, крутятся рыбы возле изогнутых коралловых веточек. И названия их вполне соответствуют маскарадным костюмам: рыба-бабочка, рыба-ангел, щетинозуб-пинцетник.

Очень интересной особенностью обладают некоторые рыбы-ангелы: с возрастом меняют свою окраску. Так, например, молодые императорские ангелы раскрашены

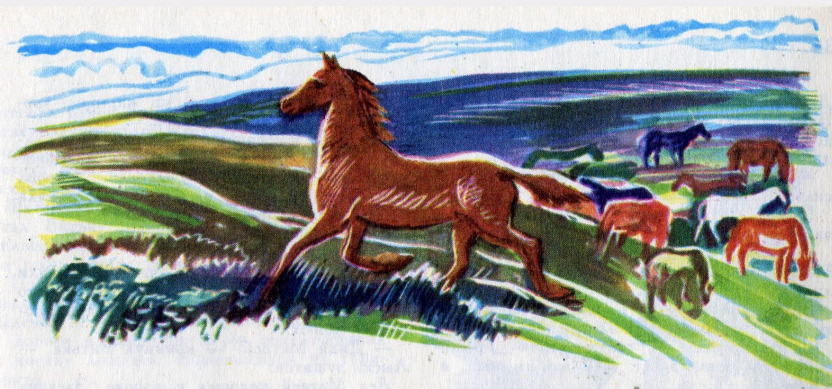

очень скромно: темные, почти черные, они разрисованы только белыми и голубыми полосами. Взрослые же рыбы одеваются в разноцветный наряд. Их ярко-фиолетовое тело украшается желто-оранжевыми полосами, голова становится изумрудно-зеленой сверху и красно-коричневой снизу. А вокруг глаз появляются желтая и синяя линии. Эти рыбы, пожалуй, самые красивые в рыбьем царстве.

Возможно, и эта рыба-ангел в детстве была раскрашена совсем иначе.

Рис. Е. Скрынникова

Д Ж И Г И Т

На сухих косогорах у обмелевшего пруда уже ничего не росло, кроме полыни и молочая. Всю траву съели коровы и лошади. Остатки ее побурели под жарким июльским солнцем. Колхозное стадо ушло в сторону высокого сторожевого кургана, на дальние выпасы. За стадом уплыл вагончик животноводов. Вслед усакал табун лошадей.

Тихо стало в хуторе. В хатах, прикрытых пропыленными садами, остались старики да дети.

Грустный и обиженный сидел Витька на крыше сарая. Не взял его подпаском заведующий фермой Андрей Тарасович. Сказал, чтобы подрос немного.

Скучная жизнь началась у Витьки. Он сидел на крыше до тех пор, пока стадо не растаяло в широком дрожащем озере на горизонте.

Не мог Витька спокойно видеть эти мирные озера.

Однажды, когда он был поменьше и около хутора еще не было пруда, с ним случилась одна история. В знойный день, увидев далеко за зеленым пшеничным полем озеро, Витька пошел искупаться. Он думал по наивности, что это озеро образовалось после дождя. Долго шел, устал, изнемог от жажды. А озеро вдруг заколыхалось и бесследно исчезло.

Витька еще раз хмуро оглядел степь и двор фермы и спустился вниз. Ничего не хотелось делать. Тоска напала на него. Он направился к пруду, но, услышав лошадиное ржание, пошел в сарайчик, где находился жеребец и несколько больных коров. За ними ухаживал конох дед Матвей. Прихрамывая, он носил охапками свежее сено от арбы в кормушки. Витька тоже захватил сколько мог сена и понес

в сарай. Привялая трава, недавно скошенная в балке, пахла арбузным соком.

— Ну как жизнь-то? — спросил конох, тяжело усаживаясь на сено.

Витька промолчал, лег навзничь. Прохладные стебли пырея приятно осеждали накалившееся на солнце тело. Коровы аппетитно ели сено и обеспокоенно охлестывались хвостами. Где-то в сарае звонко загудела оса.

— Как жизнь? — повторил дед Матвей, с улыбкой покосившись на Витьку.

— Нет у меня никакой жизни! Просия подпаском — не взяли: «Подрасти, подрасти...» Некуда уже расти!

Нравился коноху Витька. Был он коренастый. Голова в белых полосках шрамов. Волосы черные, жесткие, словно у одежной щетки. Глаза темные, живые. Загорел до черноты.

— Зря обидел тебя Андрей Тарасович, зря, — сказал дед Матвей. — Парень ты взрослый. Двенадцать уже есть?

— Есть, — подтвердил Витька и поправился: — Скоро будет. Ладно, я буду помогать вам? А то мне хоть пропадай. За Грозовым буду ухаживать, ладно?

— Это тебе не лононок, а племенной жеребец. Не подпустит он тебя. С ним шутки плохи: ударит, а то и укусит, — серьезно сказал дед Матвей.

Витька хмыкнул, поднялся и подошел к перегородке.

— Кось-кось! — позвал он жеребца. Грозовой повернул голову, тряхнул гривой и, перестав жевать, с интересом оглядел Витьку.

— Не подходи близко! — крикнул конох.

Витька, порывшись в карманах, достал кусок сахара и сунул руку за перегородку.

Дончак осторожно взял сахар с ладони. Затем обдал Витьку теплым дыханием и довольно замотал головой. Витька погладил его по морде.

— Вот сатанячий хлопец! — удивленно сказал конюх.

Поняв это как похвалу, Витька нырнул за перегородку.

— Витька! — испуганно вскрикнул дед Матвей. — Убей! Сейчас же уберись от туда!

Витька похлопывал Грозового по шее и не думал убираться из-за перегородки.

— Не бойтесь, — сказал он. — Грозовой меня давно знает. Как вы на обед, я к нему.

Дед Матвей даже покраснел от возмущения, но остерегся кричать. А если дончак переполошится и затопчет мальчика копытами?!

— Витек, хе-хе-хе, вылазь, джигит, сейчас пойдем ко мне мед есть, — сказал конюх, решив лаской выманить Витьку.

— Я не хочу меду. Я вообще сладкого не люблю, — равнодушно ответил Витька, поглаживая спину коня.

Жеребец старался боком придавить его к стенке, но Витька, нырнув под брюхо, миглом очутился на другой стороне. Конь оглянулся, повел правым боком. Витька засмеялся и присел на корточки.

Конюх с ужасом следил за Витькиными проделками.

— Витя, сынок, ведь придавит — оладью сделает из тебя, — сказал он негромко. И вдруг не удержался, крикнул во весь голос: — Вылазь, а то багатом достану!

Нырнув последний раз под брюхо коня, Витька вылез из стойла.

— Эх ты! — сказал дед Матвей с укоризной и погрозил кнутом. — Несообразный какой! Шутить с жеребцом не полагается. Он до поры до времени такой добрый, а западет ему в голову фантазия — станет что тигр. Одно слово — жеребец.

Витька с этим не согласился. Разве первый день кормил он коня сахаром и играл с ним? Но спорить с Матвеем Петровичем не решился. Тот и так сильно сердится.

— Чтоб это было последний раз, — строго добавил конюх. — Если еще раз увижу у коня — и на сто шагов до фермы не подпущу. Понял?

— Понял, а как же, — ответил Витька, пряча глаза.

— Ну пойдем обедать, а потом почистим коров.

— Я почищу коня, ладно? — спросил Витька и отступил на всякий случай. — Я его чистил щеткой, ему здорово нравится.

Витька пообедал быстро. Молоко выпил прямо из кувшина, не вылезая из погребца, а хлеб съел по дороге на ферму: он спешил.

Одежная щетка торчала из кармана укороченных выше колен штанов.

Войдя в конюшню, он хотел было забраться к жеребцу, но, услышав жалобное мычание, остановился у коров. Корова Лыска сгорбилась и, выткнув шею, роняла густую пену на пол.

Витька испугался, подошел ближе.

— Лыска, Лыска!

А если она подавилась чем-нибудь или съела ядовитую траву? Он не знал, что делать. В эту минуту в дверях сарая появился конюх.

— Дядя Матвей! — крикнул Витька. — Лыска душит.

Дед Матвей подошел к корове. Засучив рукава, погладил брюхо, ощупал горло, затем, сжав левой рукой ее нижнюю челюсть, правую безбоязненно сунул Лыске в рот. Рука вошла в горло по локоть, но ничего там не нашла. Лыска закашлялась и упала.

— Беда, Витек, — покачал он головой. — Андрея Тарасовича надо, а он в степи, километров двенадцать туда. — Дед Матвей с сожалением посмотрел на свою негнушающую ногу, затем на жеребца и вышел из сарая. — Я крикну деда Семена.

Может, он понимает.

Витька даже затанцевал от нетерпения. Вот бы сестра на жеребца да помчаться в степь за дядей Андреем! Дед Семен все равно ничего не понимает в болезнях.

Мгновение — и Витька у перегородки Грозового. Откинул запор, отвязал повод, перекинул его на гриву и, вскочив на ясли, ловко прыгнул на жеребца. Грозовой заржал, чувствуя дорогу.

За сараем раздалось:

— Дед Семен! А дед Семен! Идите сюда. Корова, говорю, заболела.

Витька припал к шее Грозового и ударил пятками по бокам, как заправский джигит. Дончак оторопело застучал на месте копытами, прыгнул голову и пошел в двери, намеренно задевая боком о косяк. Но Витька был готов к этому. Знал Витька повадки лошадей. Он не раз скакал на крутобоких необъезженных стригунках. Умел падать с них на всем скаку. Не зря же у него вся голова в шрамах. Вот только рыси Витька недолюбливал. Без седла и гадопе лучше держаться на коне.

Тонконогий, с белыми бабками, золотистый дончак затанцевал во дворе фермы, взбрыкнул. Витька держал поводья. Грозовой поднял голову, понохал воздух и громко, продолжительно заржал.

Из-за сарая выбежал Матвей Петрович. Увидев Витьку на коне, охнул и бросился наперерез.

— Витька, убейся! — закричал он. — Прыгай с него, пока не поздно, а то разнесет тебя!

Не очень-то испугался Витька. Он молча

стегнул рукой Грозового по боку. Жеребец, оскорбленно задрал голову, прыгнул через корыто с водой в сторону от конюха и, согнув шею дугой, с места рванул галопом в степь.

Ветер упругими горячими волнами хлестал Витьку, свистел в ушах, в глазах сплошными серо-зелеными лентами мелькала пропыленная трава по обочинам дороги.

Полевой стан, постройки которого виднелись за скирдами сена, был уже не так далеко. Но Грозовой неожиданно свернул с дороги и напрямик через поле поскакал к косяку лошадей, видневшемуся на горизонте.

Витька попытался натянуть повод. Но разве мог он своими слабыми руками направить жеребца по нужному пути? Грозовой озлился. Он остановился и ударил задки. Витьку бросило на землю. Падая, он не выпустил из рук поводья, и это смягчило удар. Ремешок под шеей Грозового лопнул, и уздечка осталась в руках у Витьки. Вскрапнув насмешливо, дончак умчался к косяку, а Витька остался лежать на траве.

Еще издали заметила Витьку повариха тетка Нюся и окликнула заведующего фермой:

— Посмотри-ка, Андрей, у тебя глаза лучше, чей-то хлопец бежит.

— Так это же Витька! — узнал заведующий. — Ох и заработает он у меня!

— Дядя Андрей! — крикнул Витька, забегая во двор полевого стана. — Корова Лыска заболела, пену пускает и горбатится.

Бросив уздечку на землю, взмокший, изцарапанный, в зелени, он тяжело опустился у бочки с водой.

Андрей Тарасович спросил грозно и вместе с тем удивленно:

— На жеребце прискакал?!

Витька устало кивнул.

— Смотри, какой отчаянный! — покачал головой заведующий. — Сел на жеребца!

— Так я же подружился с ним, — сказал Витька.

— Подружился, как же! — усмехнулся заведующий.

— Не слушается он повода, — пожаловался Витька, — ты его править на дорогу, а он в табун бежит. Дядя Андрей, я останусь подпаском, ладно? А то мне без работы хоть пропадай.

— Ладно, джигит, оставайся, — ответил Андрей Тарасович и подмигнул: — Парень ты смелый. Скажешь старшему пастуху, что я разрешил.

Вскоре он ускакал в хутор с чемоданчиком ветврача, а Витька сидел под деревом, пил воду, улыбался и очарованно смотрел в степь.

А. Коркищенко

Здравствуйте, ребята! Меня зовут Почемучка. И если вы хотите узнать, почему у рыбы камбалы оба глаза на одном боку и где находится город Птицеград, как увидеть птицу кариаму, не выходя из собственного дома, если вы хотите услышать ответы на тысячу «почему?», не торопитесь переверачивать эту страничку журнала.

— Не торопитесь, братцы, не торопитесь! Сейчас появится сам барон Мюнхгаузен и...

— Ты еще ничего не знаешь, Не-

знайка. Дело в том, что Мюнхгаузена нет. Он не пришел к нам на заседание Клуба Почемучек. И он, и Айболит, и Хоттабыч, и Паганель.

— Вот новость! Кто же теперь будет рассказывать? Может быть, ты?

— А хотя бы и ты.

— Я? Что ты? Разве мне поверят?

— Не отчаивайся. Я тебе открою тайну, как самую невероятную историю превратить в истинную правду.

— Давай открывай свою тайну, да побыстрей.

— Стоит только придумать самый

Про сладное драже и свекольное семечко

любопытный вопрос, как откуда ни возьмись появится знающий человек, который не утерпит и тотчас ответит на этот вопрос.

— Проще простого. Начинаю. Гляди: у меня в руках драже.

— Ничего удивительного, обыкновенная конфета. А ты скажи, можно ли такие «конфетки» в землю сажать?

— Не скажу, пожалуй.

— А вот я, друзья мои, помогу вам. Итак, слушайте. Рассказывает И. Н. Вольпер.

Испокон веков сахарную свеклу сеяли обычными семенами. Бывало, задержится весна, и часть семян от холода погибает. Но даже если весна пришла вовремя и семена взойшли и дали ростки, часто при созревании они срстаются по несколько штук. И поэто-

Рис. В. Карабута

му дают не один, а несколько побегов. Чтобы этого не случилось, всходы «прорывают» — удаляют лишние побеги. Это утомительная и трудная работа.

Помогли свекловодам селекционеры. Они вывели специальные сорта односемянной свеклы. Из каждого семени вырастает только одно растение. И все же задача до конца еще не была решена. Семена оставались незащищенными, при посеве они отклонялись от прямой линии. И опять приходилось применять прополку.

Тогда вспомнили свекловоды про... драже. А если поместить семя в оболочку, в своего рода футлярчик? Эта оболочка до поры до времени сохранит семя в целости. Кроме того, семя станут тяжелее и будут падать из сеялки точно в то место, где им предназначено быть. Ростки взойдут ровными рядами, и это позволит применять машины для подкормки, обработки и уборки.

А если ввести в оболочку специальные химические вещества, то растения раньше созреют, дадут больший урожай. Так родилась идея дражирования семян, а вместе с нею новая технология свекловодства. Во Всесоюзном институте сахарной свеклы подсчитали, что применение дражированных семян в два раза уменьшает потребность в ручном труде и, кроме того, увеличивает урожай сахарной свеклы.

— Почему-ка, Почему-ка! Спрашивать еще, а?

— Спрашивай, да только помни, Незайка, задавай вопросы любопытные, а то ответа не будет.

— Знаю, знаю. Спрашиваю: почему лягушка, когда идет к своему болоту, никогда не заблудится? Отвечаю: у нее есть компас!

— Это правда? Ты не выдумал, Незайка?

— Конечно, нет. Вот послушай, что рассказывает Л. К. Малнини.

Откуда у лягушек компас?

Как ориентируются животные, не совершающие больших переходов, например лягушки, жабы, тритоны? Кажется, им некуда спешить и незачем ориентироваться в пространстве: живи себе в любом месте, где есть пища и крыша над головой. Оказывается, не совсем так.

Еще не везде растаял снег и ночами иногда подмораживает, а вблизи во-

доемов уже появились первые остромордые лягушки. После зимовки на суше они торопятся к воде, преодолевая подчас значительные для них расстояния — до одного километра. Вроде бы пустяк. Оказывается, нет. Лягушка с места зимовки не может видеть, в какой стороне находится пруд или болотце, где она может отложить икру. Как показали наблюдения, многие виды лягушек, жаб, тритонов, саламандр во время нагула занимают вполне определенные, небольшие по размерам участки. Здесь они живут до тех пор, пока есть пища. А что, если их унести с этих участков? Выяснилось, что животные легко находят дорогу домой, если ушли от него за полкилометра.

Как же все-таки они узнают ее? Пересадим лягушек с места поймки на круглую площадку, обнесенную высокой оградой, чтобы животные могли видеть только небо. Кажется, от центра площадки лягушки могут путешествовать во все стороны. Но они почему-то предпочитают скакать только в одном направлении, туда, где их поймали. При этом если лягушки видят солнце, то ошибок в выборе направления бывает намного меньше, чем когда солнце скрыто облаками.

Естественно, возникает предположение, что лягушки используют солнце как ориентир. Провели ряд экспериментов. Выработали у жаб условный рефлекс на определенное положение источника света (обычную лампу). Имитировали движение солнца. Жабы различали не только положение источника света, но и регистрировали его перемещение. Выходит, жабы обладают своеобразными внутренними часами, которые отмечают, где и в какое время суток должно быть солнце.

Казалось бы, все ясно, лягушки находят дорогу по солнцу. Но они, хотя и с ошибками, правильно отыскивают свой дом и когда солнца не видно. Опыты по пересадке лягушек на экспериментальную площадку в ночное время показали, что эти животные способны находить дорогу не только при сплошной облачности, но даже и в проливной дождь. Может быть, они отыскивают ее по запаху? В самом деле, некоторые виды земноводных быстрее возвращались при встречном ветре, если их пересаживали на землю, или при встречном течении, если их пересаживали в воде. Но и при попутном ветре или течении, когда запах относится в противоположную сторону, животные хотя и медленнее, но все же приходили домой.

Несомненно, лягушки могут ориен-

тироваться и на слух, по голосам своих собратьев. Ну а если все эти ориентиры исключить? Оказывается, и тогда животные способны находить сторону своего участка. При этом лягушки, перенесенные с берега, возвращаются по наискорейшей линии, то есть по прямой. Ученые назвали это явление У-ориентацией. Механизм такой ориентации полностью еще не раскрыт.

Выходит, не только птицы и рыбы хорошо ориентируются в пространстве, но и обычные лягушки и жабы обладают такими способами ориентации, которые порой вызывают изумление.

— А ты все-таки молодец, Незайка! Вопросы любопытные задаешь.

— Я и сам удивляюсь. Это, наверное, оттого, что я много путешествовал и кое-что повидал. Например, в одном городе Птицеграде я видел птицу, которая ела ящериц и змей.

— Ну да? А как она называется?

— Забыл название...

— Забыл? А может, такой и нет на свете?

— Вспомнил! Слушайте, что я вам расскажу.

Птица-сторож

Их родственники — гигантские летающие птицы, которые бродили по Южно-Американскому матерiku больше сорока миллионов лет назад. Наиболее крупная из них была высотой в полтора метра и с длинным сорокасантиметровым клювом. Зовут этих птиц «кариамы». Весь день они бегают в поисках пищи, а по вечерам устраиваются на ночлег на ветвях невысоких деревьев.

Обычно кариамы ходят парами или небольшими стаями. Питаются фруктами, ящерицами и змеями. Иногда фермеры специально держат молодых кариам в курятниках, чтобы избавиться от змей.

Одни кариамы гнездятся на земле. Самки откладывают два коричневых пятнистых яйца, и родители по очереди насиживают их в течение трех с половиной недель. Другие сооружают свои гнезда на деревьях.

Кариамы прославились тем, что предпринимают громкий крик, когда замечают опасность издалека, но замолкают немедленно, как только враг приближается. В последнюю минуту птицы низко опускают головы и, держа их у самой земли, стремительно убегают. Могут

кариамы и летать, но это у них получается гораздо хуже, чем у других птиц.

Кариамы относятся к отряду журавлеобразных. Некоторые орнитологи считают, что это очень старый отряд птиц.

— Птица ест ящериц — это еще не диковинка. Такое случается. А слышал ли ты, Незайка, что ящерицы могут есть птиц? Нет? Так слушай, теперь я расскажу.

Тейю-якуару

Тейю, или, как ее еще называют индейцы, якуару, — большая сильная ящерица. Ее темно-голубая кожа украшена желтыми и белыми крапинками. Родина тейю — тропики Южной Аме-

рики, от Колумбии до Гвианы и Бразилии. Это всеядное пресмыкающееся. Мелкие ящерицы, лягушки, рыбы, насекомые, птицы — все ему нравится. Не отказывается тейю от сочных фруктов и листьев. Часто якуару нападают на цыплят и воруют яйца. За это ящерицу повсюду безжалостно преследуют, называя яичным вором и птичьим волком. Нежное мясо тейю многим нравится.

Очень интересно заботится тейю о своем потомстве. Она откладывает свои яйца в термитники. Трудно представить, как удастся проникнуть тейю в эти прочные, как из бетона, строения и отложить там яйца с пергаментной скорлупой. В своеобразных инкубаторах яйца надежно защищены, ведь термиты сразу же заделывают отверстия в своих поврежденных жилищах. В термитниках, как в термостатах, все время поддерживаются постоянная температура и влажность воздуха. Когда из яиц появятся ящерицы, им придется приложить немало усилий, чтобы проделать отверстие в термитнике и выбраться на свободу.

— **Добрейший доктор Айболит знаменит среди птиц и зверей всего света. Но лечить зверей приходилось не только ему. Послушайте еще одну историю. Ее поведает нам ветеринарный врач В. И. Апарцев.**

Хоть я и не Айболит

Восьмимесячный львенок Артур лежал, бессильно опустив голову на передние лапы, и тяжело дышал. К пище не притрагивался. Было видно, что у него озноб, высокая температура. Когда я окликнул львенка, он медленно поднял голову, посмотрел на меня печальными глазами и жалобно застонал. Было ясно: у животного инфекционный энтерит кошек, или, как его обычно называют, чума кошек. К этому заболеванию особенно восприимчивы молодые львы, тигры, ягуары, леопарды, пумы, пантеры, рыси, барсы, камышовые коты, каракалы, домашние кошки. Оно довольно часто встречается среди хищников, содержащихся в неволе. Заболели энтеритом и два ягуарчика.

Было решено лечить животных уколами, вводя им растворы антибиотиков, глюкозы и кофенна. Трудность лечения заключалась в том, что в зоопарке не оказалось специальной шарнирной клетки для фиксации животных. Поэтому нам пришлось накинуть на шею ягуар-

чика Шарима, вес которого был около 60 килограммов, веревочную петлю и, подтянув его к железным прутьям клетки, сделать все необходимые инъекции. Но это не помогло, пришлось, чтобы сделать уколы, загнать ягуарчиков в узкие ящики, в которых они не могли повернуться. Сотрудники зоопарка, немало приподняв крышку ящика, крепко держали задние лапы, а я делал пятнистым красавцам уколы. Лечили мы их несколько дней.

Интересно было наблюдать, как вели себя звери. Львенок Артур понимал, что ему помогают, и, хотя он выражал неудовольствие и угрожающе рычал на людей, было видно, что его грозный рык и сопротивление есть не что иное, как желание напомнить нам, что он царь зверей. Ягуары же сопротивлялись яростно. Однако им не нравились не столько уколы (они их переносили отлично), как само пребывание в тесном ящике.

Прошло несколько дней, и животные стали веселыми и бодрыми.

— **Многих Почемучек интересует, есть ли еще птицы, кроме кукушек, которые подкладывают свои яйца в чужие гнезда?**

Рассказывает об этом С. Д. Кустанович.

В чужое гнездо

Среди птиц гнездовый паразитизм — явление довольно редкое. Из 8600 известных в настоящее время видов птиц гнездовых паразитов немногим более одного процента. Большинство из них — жители тропических стран.

Гнездовые паразиты есть лишь в четырех отрядах. В отряде дятловых — это семейство медоуказчиков. Для пяти видов этих медоуказчиков такое поведение установлено давно. Остальные виды изучены еще недостаточно, но ученые предполагают, что и они сами птенцов не выводят.

В самом многочисленном отряде птиц — воробьиных — подбрасывают яйца в чужие гнезда 6 видов воловьих птиц из семейства трупяловых. Это небольшие, скромно окрашенные птицы с преобладанием черного цвета в оперении. Живут они в Америке. Свои названия получили за то, что кормятся около крупного рогатого скота. Их часто можно видеть сидящими на спинах животных, они склевывают паразитов-кровососов.

В семействе ткачиковых (их 263 вида), куда принадлежат и наши всем известные воробьи, гнездовых паразитов известно четыре вида. Все они жители Африки. Три из них относятся к ткачикам-вдовушкам. Впрочем, орнитологи предполагают, что и другие вдовушки (а их 12 видов) тоже гнездовые паразиты.

Еще один вид имеется в отряде разнообразных в семействе утиных. Это черноголовая утка, обитатель Южной Америки, небольшая, скромно окрашенная уточка, напоминающая наших чирков. Ее птенцы выводятся в гнездах водоплавающих — чаек, пастушков.

Больше всего гнездовых паразитов в отряде кукушек. Из 130 видов 50 подбрасывают яйца в чужие гнезда. В СССР обитают лишь 5 видов кукушек. Все они сами яйца не высиживают, а переключаются на свои обязанности на других птиц.

— **Почемучка, Почемучка! Разве ты не видишь, наши страннички уже кончатся? Пора закрывать заседание Клуба.**

— У нас осталось ровно столько места и времени, чтобы выполнить наше обязательное правило: дать слово членам Клуба — Почемучкам — и объявить вопрос, над которым они могут ломать голову целый месяц — до следующего заседания Клуба.

Оназывается, воробьи не только чирикают

У нас в доме живет воробей. Зовут его Пудик. Я его принесла маленьким птенцом с переломанной ножкой. Он еще как следует не оперился и не умел летать.

Живет Пудик полным хозяином. Лежит по всем комнатам, спит на книжной полке, но всегда на одном и том же месте.

Однажды я посадила Пудика в клетку к щеглу. Щегол встретил его недружелюбно: пипел на Пудика, пытался клюнуть. Пришлось воробья взять из клетки.

В нашем доме жили разные птицы: щегол, четыре волнистых попугайчика, два чижа. По утрам они устраивают концерты. От них, наверное, Пудик и научился петь. Узнали мы это так. Пудик очень боялся пылесоса и, когда мы его включали, всегда прятался под диван. Но один раз он туда почему-то не пошел. Внимательно посмотрев на пылесос, Пудик сначала два раза чирикнул, а потом зашел, да так, что мама подумала, что это поет щегол. Когда она повернулась, то увидела: щегол сидел, опустив голову (он в это время линял), а Пудик, взобравшись на его клетку, пел во все свое воробьиное горло, пытаясь перекричать пылесос.

С тех пор стоило нам включить пылесос, как Пудик начинал петь. Значит, воробьи не только чирикают, но еще и петь умеют.

Ирина Стасенко,
г. Тула

— **Правильно ли поступила одна девочка, выпустив своего хомьчка в лес? Если нет, в чем я уверена, то чем это грозит зверьку?**

Люда Фомина,
Ленинград

Члены Клуба Почемучек!

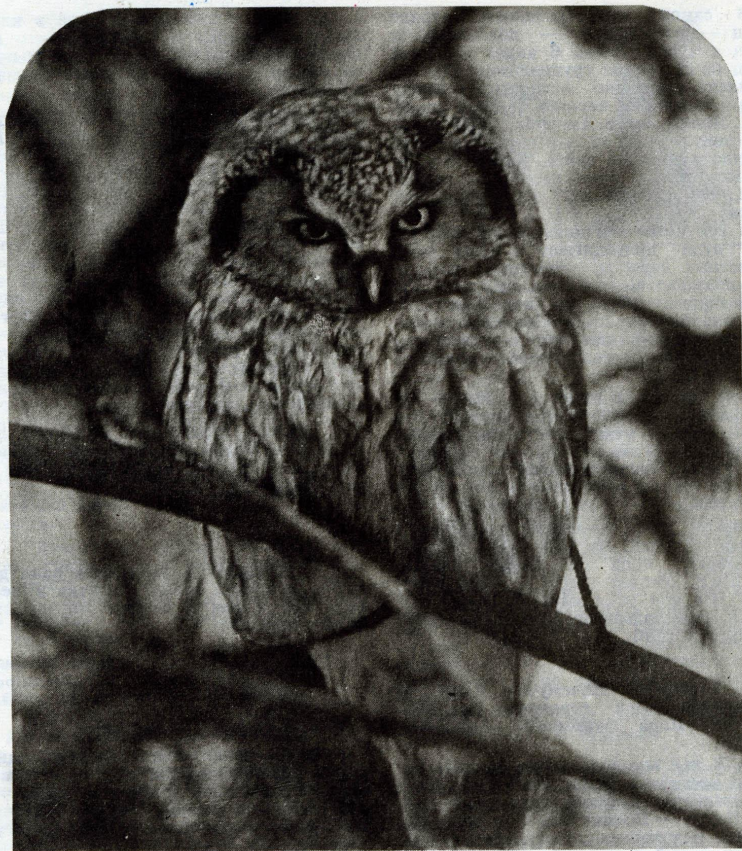
К сожалению, сегодня наш ведущий Клуба Мюнхгаузен не мог присутствовать на заседании. Очевидно, ровно через месяц мы узнаем, какое заманчивое приключение позвало его в дорогу.

Но даже ввиду таких необычайных обстоятельств не будем нарушать традиций нашего Клуба. Почемучки, как всегда, получают задание.

В связи с тем, что прилетели грачи и ожидается прилет прочих пернатых, объявляется набор мастеров в Мастерскую Самоделкина.

Для зачисления на работу в Мастерскую нужно прислать чертеж птичьего домика собственной конструкции или сообщить, сколько сделано и развешано гнездовий.

Все, кто получит звание Мастера Птицеграда, будет награждены дипломами Клуба Почемучек.

Берендево царство — иначе и не назовешь вековой хвойный бор, в котором удалось побывать нашему фотокорреспонденту В. Ханакову из Пскова. Словно нахмурились, стоят здесь сумрачные ели. И только

белые снежные шапки на упругих еловых лапах придают бору немного веселой праздничности.

Редко услышишь в таком лесу суетливы птичий пересвист. Но для воробьиного сычка нет лучше и надежнее места. Для охоты выбирает он такие еловые чащи. Берегитесь тогда, полевки, хомяки и землеройки! А если не повезет сычку с ними, не побрезгует он мелкими воробьиными птахами.

Вот так, как на фотографии С. Чеврева из Московской области, будет поджидать сычок очередную жертву. Охотится сычок

днем, и в сумерках, и на рассвете. Ближе к зиме заготавливает пищу впрок, носит ее в свое теплое гнездо, устроенное в просторном дупле осины или березы. В дупле же выводит потомство.

Обычно самка сычка откладывает 2—3 белых яйца. Птенцы выводятся летом, а в конце августа поднимаются на крыло. Тогда-то прибавляется в лесу пернатых охотников.

Зоопарк

на дому

С крокодилами под одной крышей

В нашем домашнем зоопарке живут самые страшные в общепринятом представлении животные: горза, водяной щитомордник (близкий родственник знаменитой гремучей змеи), тигровый питон, варан, геккон и другие не менее интересные животные. Украшением зоопарка являются крокодилы: Чикита и Бебби. Все они живут в застекленных террариумах, где для них поддерживаются необходимые условия: температура, двойной обогрев воды и воздуха. Бебби живет в террариуме с ванной, а Чикита в террариуме не помещается, ей отвели ванную комнату.

Создал и руководит зоопарком сын. Он биолог. Живя бок о бок и ежедневно наблюдая за змеями, легче проникнуть в самые сокровенные тайны их жизни.

Мы многое узнали о нравах, поведении в неволе, отношении к человеку рептилий и дружно пришли

к выводу, что со змеями и крокодилами под одной крышей жить можно интересно и весело. Дело не обходится, само собой разумеется, без острых ситуаций и веселых приключений.

В один из солнечных осенних дней мы встречали в аэропорту четырехмоторный пассажирский лайнер «ИЛ-18». Самолет прибыл точно по расписанию. Подали трап, и среди толпы пассажиров, спешащих к выходу, мы разглядели высокую фигуру сына. Под мышкой он нес какой-то необычный предмет, походивший издали на туго набитый мешок странной формы.

После радостных приветствий я спросил:

— А это что?

— Крокодил!

— ?!

— Чему удивляетесь? Самый настоящий живой нильский крокодил из Судана!

За шесть месяцев пребывания в Ленинградском зоопарке, несмотря на все наши усилия, крокодил ничего не взял в рот. Для того чтобы спасти животное от верной гибели, ре-

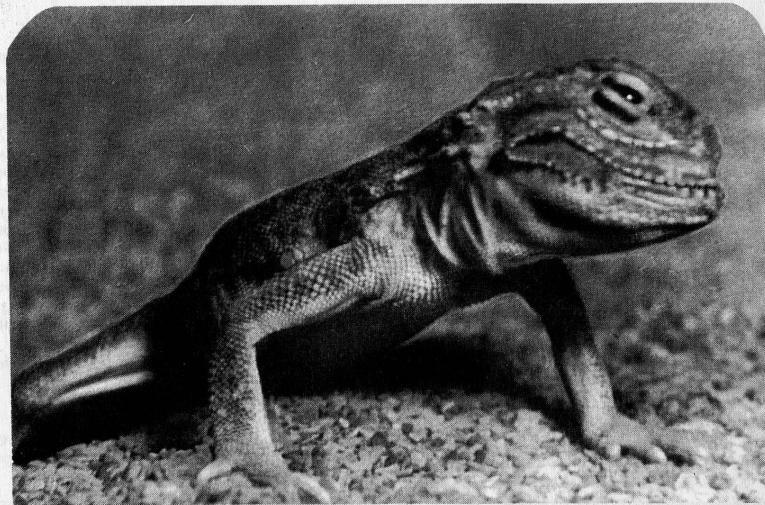
шили переселить его к нам в Баку.

— Вот новая забота, — горестно вздохнула жена, разглядывая крокодила хвост, торчащий из странного свертка, оказавшегося охотничьим ружейным чехлом.

Звали крокодила Виктория, сокращенно Викки. Ей было два года. Рост около метра. Викки щеголяла в элегантном костюме из желтовато-серой с зеленоватым оттенком крокодиловой кожи, с темными поперечными полосами и пятнами.

На семейном совете было решено уступить Викки ванну, а самим — ничего не поделаешь! — принимать водные процедуры на воздухе.

Викки часами неподвижно лежала в теплой воде. Ей предлагали мясо, рыбу, живых мышей и птиц, но она упорно отказывалась от пищи. Но и мы были упрямы. На воле крокодил днем вылезает на берег и греется в лучах солнца, а ночью уходит в воду за добычей. И мы стали днем спускать из ванны воду, включать освещение и обогреватель, а на ночь запол-

нить часть ванны теплой водой и гасить свет. Температурный режим поддерживали на «африканском» уровне.

Перемена климата и наши заботы дали свои плоды, и Викки после затянувшейся голодовки наконец начала есть. Больше всего ей нравились морские бычки, красноперки и окуньки. У Викки оказался тонкий вкус: она любила свежие креветки. Ела она в полной темноте, что не мешало ей совершенно безошибочно и точно ловить на лету неожиданно для нее брошенную рыбу или кусок мяса.

Днем черные и непроницаемые, как бездна, зрачки Викки смотрели на мир через узенькие вертикальные щелочки, и только ночью они полностью раскрывались. Ее длинная, заостренная к концу морда с умным и хищным холодным взглядом желто-зеленых глаз очень походила на волчью. Но хищница Викки отличалась добродушным нравом. Она спокойно и внимательно следила за нами, когда в ванне меняли воду или включали обогреватель. Каза-

лось, она отлично понимала, что все это делалось в ее интересах.

Викки была прирожденной актрисой. Можно было подумать, что нильские крокодилы только тем и были заняты, что обучали своих детенышей позировать перед камерой.

Когда ее фотографировали, Викки послушно раскрывала пасть, показывая свои белоснежные острые зубки, и вела себя перед объективом самым непринужденным образом.

Шли дни, Викки выросла и не стала помещаться в ванне. Держать дома ее стало трудно. Пришлось подарить Ереванскому зоопарку.

Но скучать без крокодила нам не пришлось. На смену Викки появился американский узкорылый крокодил с острова Куба. Звали его Чикита, по-испански Малыш. У него были выпуклые глаза, большие надбровные дуги и искривленная от природы верхняя челюсть, что придавало его морде весьма злое выражение.

Чикита с первых же дней чувствовал себя в большом

террариуме великолепно. С завидным аппетитом ел.

Во время обеда подползал поближе и брал пищу прямо из рук. Надо было только остерегаться, чтобы вместе с куском мяса или рыбы к нему в пасть ненароком не попал и палец. Откликнулся на посторонние шумы: часто издавал громкие квакающие звуки, отдаленно напоминающие не то глухой кашель сильного простуженного человека, не то злое ворчание собаки. Чикита умел и сердиться, что случилось с ним, когда он был голоден. Завидя человека, он бросался к стеклу террариума и бился мордой.

Он был злее Викки, и взять его в руки оказалось не так-то просто, особенно когда он подрост и занял место Викки в ванне. Хитрый Чикита научился вылезать из ванны. Как-то, обливаясь потом от летней жары, я направился в ванную комнату, чтобы освежиться под душем. Но не тут-то было. На полу независимо лежал Чикита, видимо решивший расширить свои владения. Он поглядывал на меня с озорным любопытством,

следуя за каждым моим движением.

Я попробовал прогнать его, легонько отталкивая палкой. Пятясь назад как рак, он с яростью хватал зубами палку, стараясь вырвать ее из моих рук. Чикита упрямо не хотел уступить поле сражения, и не знаю, сколь долго продолжался бы этот раунд, если бы мне не удалось перехитрить Чикиту, набросив ему на голову плащ-палатку. Тогда он стал беспомощным и позволил посадить себя в ванну.

Но в другой раз справиться с крокодилом оказалось значительно труднее. Палку он с силой вы-

рывал из рук, а плащ-палатку легко сбрасывал с себя. Свое возмущение Чикита выражал громким хриплым лаем, поднимая на ноги всю семью. После долгого сражения поле боя осталось за Чикитой. Позорно отступив, я запер его в ванной и лег спать.

Недавно у нас в квартире прописался и широкомордый американский симпатичный крокодилчик. Зовут его Бебби. У малыша пока еще маленькие, но очень острые зубки — неплохое оружие для защиты своих прав. Кстати сказать, кусается он совсем не по-детски. В страхе Бебби издает слабый мышинный

писк или шипит, как змея. Мы его кормим разными крокодильными деликатесами. У Бебби настоящие крокодильи ухватки. Он умело пользуется хвостом, чтобы подогнать поближе и поймать в воде живую лягушку. Когда к его террариуму близко подходит кто-нибудь из нас, он пугливо ныряет и спустя несколько секунд осторожно выставляет на поверхность воды кончик своего носика с крошечными ноздрями и любопытными глазенки. Надо же осмотреться и узнать, кто его напугал.

Вот так и живем!

Е. Чегодаев
Фото автора

ЛАКОМКИ

(Окончание. Начало см. на стр. 4)

тончайшую капиллярную трубочку, заполненную исследуемым веществом, и подключившись к отходящим от него нервным волокнам, ученые подслушали, какую информацию посылают вкусовые клетки крохотному мушиному мозгу. Оказалось, что одна из них реагирует только на сладости, посылая в пищевой центр мозга уведомление, что обед подан. Другая бурно отвечает на соли, кислоты, горечи, спирты, давая команду немедленно вытащить хоботок из несъедобного раствора. Что попало муха есть не будет. Эти синие мухи и помогли выяснить некоторые тайны вкуса. Их кормили различными веществами, молекулы которых состояли из одних и тех же атомов, но имели различный размер и форму. Мухи ели лишь вещества со сходным размером и формой молекул, от остальных категорически отказывались.

У позвоночных животных, вероятно, вкусовые ощущения возникают, только если пищевые вещества вступают в химическое соединение с веществами вкусовых чувствительных клеток. В языке коровы нашли белок, который взаимодействует со всеми сахарами и веществами, имеющими сладкий вкус. Оказалось, чем слаще кажется нам вещество, тем в более прочную связь вступает оно с белком. Другой белок взаимодействует с молекулами веществ, имеющих горький вкус.

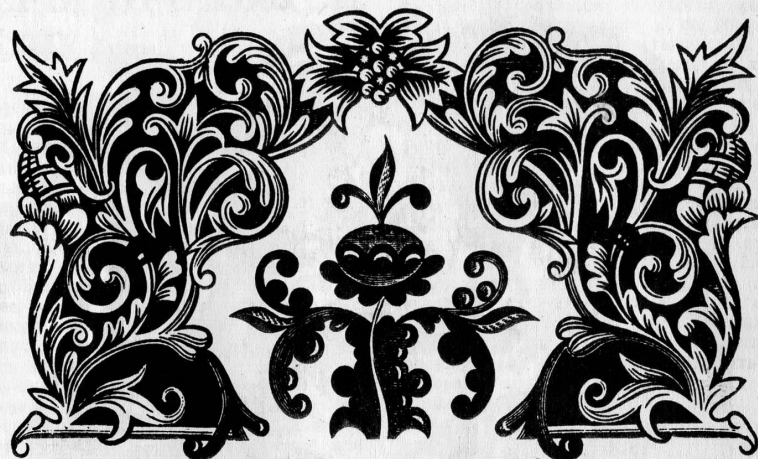
Человек — существо всеядное. Кроме

привычки, ему ничто не мешает приспособиться к любой пище. Среди животных таких всеядных созданий немного. Гораздо больше узкоспециализированных видов. Вызывает удивление, что у отдельных животных, относящихся к одному и тому же виду, могут быть несхожие вкусы.

Обычно с возрастом вкусы меняются. Млекопитающие животные выкармливают своих детенышей молоком. Подрастая, одни становятся вегетарианцами, другие — хищниками. Отчасти вкусы у малышей воспитывают их родители. Лисица приносит своим детенышам зайчонка, гепард — молоденькую антилопу. Но вот обезьянок никто не приучает к растительной пище. Мамы кормят их только молоком и никогда ничего съедобного детям не предлагают. С третьего месяца жизни малыши все тянут в рот, пробуя на язык, и самостоятельно узнают, что положено им есть.

Вкус относится к наименее изученным органам чувств. И ученые стараются выяснить тайну вкусовых ощущений. Народонаселение нашей планеты быстро увеличивается. Чтобы не возникла угроза голода, они ищут способы искусственного синтеза белка, ведут поиски съедобных представителей среди быстро размножающихся одноклеточных водорослей. Новые пищевые вещества должны быть не только питательны, но и обладать отменным вкусом. Вот почему крохотные образования — вкусовые почки языка — усиленно изучаются сейчас в десятках лабораторий мира.

Б. Сергеев,
доктор биологических наук

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ВЫ МОЖЕТЕ САМИ НАУЧИТЬСЯ ИГРАТЬ НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ:

Магазин № 102 «Ноты — почтой» Москниги имеет в наличии ШКОЛЫ-САМОУЧИТЕЛИ:

Алехин В., Шашкин П., САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА БАЯНЕ. «Советский композитор», 1973. Ц. 1 р. 71 к.

Говорушко П., ШКОЛА ИГРЫ НА БАЯНЕ. «Музыка», 1973. Ц. 1 р. 81 к.
Иванов-Крамской А., ШКОЛА ИГРЫ НА МАНДОЛИНЕ И ЧЕТЫРЕХСТРУННОЙ ДОМБРЕ. «Советский композитор», 1972. Ц. 88 коп.

Мирек А., САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА АККОРДЕОНЕ. «Советский композитор», 1971. Ц. 1 р. 43 к.

Мирек А., ШКОЛА ИГРЫ НА АККОРДЕОНЕ. «Советский композитор», 1973. Ц. 2 р. 80 к.

Наумов Г., Лондонов П., ШКОЛА ИГРЫ НА АККОРДЕОНЕ. «Музыка», 1972. Ц. 2 р. 39 к.

ХРЕСТОМАТИЯ БАЯНИСТА. Вып. 1. 1—2-й классы ДМШ. «Музыка», 1972. Ц. 1 р. 33 к.

ХРЕСТОМАТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА ДЛЯ БАЯНА, 5-й класс ДМШ. «Музыка», 1969. Ц. 1 р. 42 к.

ХРЕСТОМАТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА ДЛЯ СКРИПКИ. Вып. 3. 3—4-й классы ДМШ. «Музыка», 1972. Ц. 1 р. 55 к.

Эти книги и ноты высылаются наложенным платежом. Оплата производится на местном почтовом отделении при получении бандероли. Деньги в письмах не высылайте. Заказы направляйте по адресу: 125827, ГСП, Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный пер., дом 4, магазин № 102 «Ноты — почтой».

ПЕРВОПРОХОДЕЦ КЕШКА

Котенка, которого принесли к нам в лагерь мальчишки из Аральска, мы назвали Кешкене (что означает по-казахски «самый маленький в семье») или просто Кешка. Мы тогда собирались пройти через пустыню от Аральского моря к Кзыл-Орде на парусных колесных яхтах.

Итак, Кешке было всего полтора месяца, когда его познакомили с нашими яхтами. Больше всего ему понравилось переднее колесо. Он тщательно обнюхал покрывку, поточил на ней когти. Затем не торопясь забрался наверх и довольный уселся там: «Как высоко я залез». Вначале, пока яхты еще собирались, это было любимое Кешкино место. Отсюда он начинал свои акробатические упражнения. Когда мы тронулись в путь, котенку пришлось искать другое место. Я положил для него спальный мешок внутрь кабины. Но оттуда ничего не видно. Здесь солнце, тут жестко — искал, искал Кешка и, наконец, перебрался на парус: с него стекает воздушный поток, и всегда продувает. К тому же это рядом со мной, а я не упускаю случая поласкать Кешку.

Шины еле слышно шуршат по песку. Не шумит мотор, не дымит, не качает. Кешка сначала забеспокоился: все же в первый раз едет, но быстро привык к скорости и даже начал играть. Но тут его стало укачивать, и он жалобно замыкал. Я дал ему свой палец. Котенок обхватил его, успокоился и заснул. С этого дня моя яхта стала называться «Кошкин дом».

К вечеру мы чуть не остались без нашего Кешки. Дорога вдоль лимана привела нас к каменной плотине. За ней начинались дюны. Решили остановиться, за чаем выяснить дорогу. Но только развели среди камней костер, как заметили торчащий из узкой норы змеиный хвост. Пришлось его потрогать — хвост убрался. Тогда осыпали песок, и перед нами предстала хозяйка пустыни — песчаная эфа. Пока снимали ее на песке, на земле, в руках, среди камней, про Кешку забыли. А он уже подкрадывался к чему-то, скрытому от нас травяными кочками. От громкого крика Кешка вздрогнул, испугался, желание охотиться у него пропало. Зато каракурт, за которым полз котенок, продолжал шествовать к нашим яхтам. Движения его поражали своей властной медлительностью, достоинством, словно каракурт понимал, какой страх он нагоняет на все живое.

В начале похода Кешка доставлял мне

много хлопот. Он разгуливал по всей яхте, рискуя свалиться на ухабах, мог выбраться на лапы колес и спрыгнуть на землю. Или вдруг ему становилось скучно, и он старался влезать мне на колени, запутываясь в шкотах, лез хвостом в рулевое колесо. Каждый раз мне приходилось останавливаться. Тогда Кешка мгновенно оказывался на земле, и не сразу удавалось его поймать.

После нескольких внушений котенок выходил из яхты только по разрешению. Иногда он начинал громко мяукать. Это был сигнал к остановке: Кешка спрыгивал и быстро-быстро копал ямку. Научился он и хитрить, когда особенно сильно трясло и его укачивало. В таких местах яхты обычно шли медленно, часто их приходилось просто подталкивать. Кешка же предпочитал идти пешком. А чуть яхта ускоряла ход, он делал вид, что снова копает ямку.

Перед завтраком котенок обычно помогал нам наводить порядок в палатке. К утру в нее набивались десятки тарантулы. Маленькие, всего с гривенник, они еще не могли кусаться, но то, что это будущие грозные пауки, заставляло нас быть суровыми. Мы перетряхивали все вещи, ловили паучат, где посветлее, а в темных углах ими занимался Кешка.

Днем ветер обычно стихал. Тогда мы спускали паруса, уходили в дюны или, когда море было еще недалеко от нас, шли к нему. Берег в этих местах пологий, и можно пройти сотни метров, вода — чуть выше колен. Море сейчас мелеет, берег все больше обнажается. Вдоль него встречаются пляжи чуть ли не километровой ширины. У занесенных песком приотпленных лодок, брошенных невесть когда многочисленными рыбацкими бригадами, мы ловили бычков. Они прятались под днищем, зарывались в песок. Мы нащупывали их спинки, а потом хватили обеими руками. Брошенные в лодку бычки прямо на глазах меняли свой цвет и из черных становились серыми, как песок на дне. Дюжины бычков хватало Кешке на день.

У берега водились креветки. Немного меньше своих тихоокеанских родственников, они были совершенно прозрачны. Кешку сажали на банку в лодке и преподносили креветок десятками. Надеюсь, что об обитателях Аральского моря у него остались приятные воспоминания.

Вдали от моря в дюнах яхту кидало из стороны в сторону. Кешка упорно цеплялся за мои брюки, пытаясь удержаться у меня на коленях. Сидеть в кабине он не хотел: уцепиться не за что, и его переваливает с боку на бок при каждом крене яхты.

В днах много птиц, жуков, масса ящериц, встречаются черепахи, еще не успевшие зарыться на лето в песок. Попадают огромные — килограмма на два весом. Поймали ящерицу агаму в четверть метра длиной. Хвост розовый, хотя вся она темно-серая в ковровых разводах. Принесли Кешке. Кешка храбро бросился к агаме, но тут же отскочил, испуганный страшной пастью с острыми зубами. Лапы, живот ящерицы стали цвета густой синьки, под челюстями отвис мешок, тоже синий, хвост начал извиваться. Играть с нею Кешка отказался наотрез.

Наши матчи — самое высокое место в округе. Птицы с удовольствием усаживались на их верхушки, бесперомно рассматривали оттуда котенка, весело щебетали. Кешку это обижало. Но взобраться по матче он не мог. Тогда он прятался под яхту и ловил муравьев.

Хотя и в пустыне, но воды Кешке было вдоволь. Для него мы ничего не жалели: даже поливали Кешку из кружки, когда становилось жарко и он, как собака, высовывал язык и тяжело дышал. Кешка настолько привык к воде, что, когда в конце пути стали попадаться ирригационные каналы, сам ходил с нами купаться. К сожалению, купание не приносило облегчения ни ему, ни нам: мы входили в воду одетые, в чем были, а через несколько минут вся одежда снова становилась сухой. Если каналы были нешироки, мы перекидывали с берега на берег веревку и, цепляясь за нее, наслаждались в мутной от ила воде. Влажный Кешка в это время шнырял в кустах или лежал в тени, а чуть подсохнув, снова купался.

В жаркие дни в пустыне бродили смерчи. Далеко, близко, около нас. По несколько раз. Чем ближе подходят, тем осторожнее Кешка. За их мутными стеклянными стенками скрыта злая сила, способная мгновенно сорвать парус, обшивку, вырвать матчу, скрутить яхту. Мы старались не вступать с ними в борьбу и спасались бегством.

К исходу дня скользящие по небу облака тяжелели, объединялись в сплошные тучи. Кешка вылезал на сиденье в надежде побывать под душем. Сверкали молнии, гремел гром. Все как полагается в таких случаях, но капли дождя почему-то не падали на землю. У нас наверняка из таких туч лил бы дождь как из ведра. А здесь мы сухие, на песке ни единой рябинки. Кешка неудовлетворенно крутил хвостом.

Чем ближе к Сырдарье, тем чаще каналы, арки. Вдоль дороги потянулись пойменные леса (тугаи) из ивняка, тамариска, тополей, густо переплетенных лианами. Кешка без особого удивления при-

нял такую перемену. Он на стоянках охотно лазил в прохладных кустах, карабкался на деревья. Лианы ему не помеха, Кешка их просто перегрызал и лез дальше. Нам он притаскивал жуков, бабочек, гусениц толщиной чуть ли не с палец.

Глубокой ночью далекий шум падающей с плотины воды и светлое зарево на горизонте известили нас о том, что мы подходим к Кызыл-Орде — конечному пункту маршрута. Ровно месяц шли наши яхты. Ровно месяц все радости и трудности пути делил с нами неутомимый Кешка — первый кот, пересекавший на яхтах пустыню.

В. Таланов

ШАКАЛЯ РЫБАЛКА

Заночевал я однажды с ашхабадским зоологом Курбаном в юрте у гостеприимных чабанов овечьей отары на берегу реки Теджен. Рано утром пошли мы наикратчайшим путем в поселок Ата, к автобусной остановке.

Идем по тропке вдоль реки, и вдруг — стоп! — остановился он и ни с места, смотрит куда-то, лицо сияющее.

— Что заметил, Курбан? — спрашиваю.
— Да вон те два столбика, что на том берегу стоят, у кустов. Видишь?

Посмотрел я в указанном направлении и ничего особенного не увидел, кроме каких-то двух пеньков, вроде бы от срубленных деревьев — о них так и сказал Курбану.

— Ими-то я и залюбовался, — улыбнулся он, — ведь это вовсе не пеньки и не какие-то столбика, а шакалы, пришедшие, наверное, на рыбалку.

— А разве они ловят рыбу? — удивился я.

— И еще как ловят! Только это редко случается кому-либо наблюдать, а нам, кажется, повезло: может, пойдем посмотрим? Наступает весенний паводок, время рыбалки.

«Меню» шакалов мне было давно известно. Я знал, что они питаются обедками добычи, оставшейся от крупных хищников, мертвой рыбой, ящерицами, лягушками, но, чтобы шакалы ловили рыбу, не знал. И поэтому, посмотрев на часы — времени до прихода рейсового автобуса было достаточно, — я охотно принял предложение Курбана.

Вскоре мы избрали наблюдательный пункт, с которого шакалы видны нам как на ладони, а мы им нет. Не могли они нас и учуять: ветерок дул с их стороны.

Примерно через четверть часа шакалы насторожили уши и вытянули вперед свои полулисы-полуволчьи морды. Гляжу, один из них, ростом покрупнее, это был самец, повернул голову к другому, поменьше ростом, самке. Сигнал к готовности? Ну да! В мутной-премутной паводковой воде, у самого берега реки, засеребрилась небольшая стайка крупных рыб.

— Сазаны! — определил сразу Курбан. — А впереди стаи сазаниха, самая большущая из них. Она идет с низовьев реки на нерест в сопровождении своих кавалеров.

Наблюдая за движением свадебного каравана — так окрестил стаю рыб Курбан, — шакалы терпеливо, не шевелясь, продолжали сидеть на своих местах до тех пор, пока стая полностью не вошла в залив. Увидев, что рыбы шумно и игриво забултыхались, шакалы поднялись и, чуть-чуть потянувшись, неторопливо вошли в воду. Самец осторожно направился вслед за стайей, а шакалиха остановилась на середине неширокой протоки, соединяющей заливчик с рекой. В те минуты я даже не уяснил себе, почему шакалам потребовалось такое «разделение труда», но несколько позднее понял, что это ими сделано сознательно — так, вероятно, подсказывал им инстинкт опыта своих далеких предков.

Думал я, что самец со свойственной ему шакалей жадностью выхватит из стаи прежде всего сазаниху, а он вытащил из хвоста стаи лишь одного из сазанов. Случайно? Вряд ли. Скорее из-за боязни распугать остальных, которые, лишившись своей предводительницы, рассыпались бы кто куда. Так или иначе, но стая не распа-

лась. Мне как заядлому рыбаку это показалось маловероятным, но против факта не пойдешь: сазаны-самцы беспечно продолжали бултыхаться около сазанихи, словно ничего не случилось.

И только когда шакал, отнесший на берег, к кустам, свою первую добычу, выхватил из эскорта сазанихи еще одного ее кавалера, рыба стая, взметнув целый фонтан водяных брызг, стремительно ринулась к выходу из залива в реку. Тут-то ее и встретила бдитительно стоявшая на своем посту шакалиха. Запрыгала она перед подплывшей рыбой туда-сюда, сюда-туда, и та, напуганная всплесками воды, вызванными ее прыжками, круто повернула обратно в залив, однако, сделав в нем несколько кругов, снова рванулась в сторону реки. Увы, на этот раз рыбей стаяе пришлось повстречаться не только со своим прежним врагом, но еще и с шакалом, уже успевшим переотправить на сушу и свой второй трофей. Встав в горловине пролива вместе со своей подругой, тот сильно стучал по воде лапами: устралал рыбу. То же делала и шакалиха. Вдруг шакалы начали прыгать вместе вниз-вверх, вниз-вверх, да так четко и ритмично, что казалось, не прыгают, а исполняют какой-то неизвестный человечеству шакалий танец. Но и это не помогло: отдельные рыбины начали прорываться из ловушки.

Попыталась выскочить из нее и перепуганная сазаниха, но шакалиха в молниеносном броске подшибла ее лапой и незамедлительно перехватила пастью. В ту же минуту шакал умудрился выхватить из воды свою третью по счету рыбку, и стремглав выскочил с нею из воды, и побежал к своим прежним двум рыбакам. Шакалиха за ним. И тут же все немногочисленные остатки рыбей стаи исчезли в мутной воде Теджена.

«Ну все, рыбалка окончилась, сейчас будет пир горой», — подумал я. Но шакалы, вероятно, были сыты и даже не дотронулись до своей добычи. Они сидели около нее и, судя по широко открытым ртам и высунутым языкам, отдыхали и любовались трофеями.

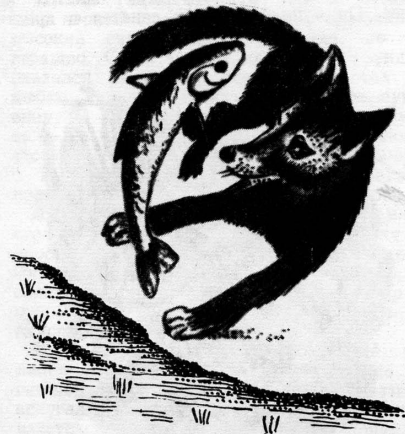
Немного отдохнув, шакалы поочередно начали лизать одну из рыб.

— Не иначе как выпущенную из прокушенного брюха сазанихи икру лижут, — тихо сказал мне Курбан.

Очевидно, это так и было: рыба, как мы оба успели заметить, осталась целехонька. Разделавшись с икрой, шакал начал рысать по кустам, что-то вынюхивая и ко всему присматриваясь.

Смотрим: что-то начал копать в земле. Ямку? Бесспорно, так.

Вскоре шакалы перетасили от реки всю свою добычу и зарыли в этой ямке.

Когда они закончили все операции по припрятыванию рыбы, Курбан громко свистнул им на прощание.

Миг — и их след простыл в зарослях приречного кустарника.

И. Ракитин

ЛЮБОПЫТНЫЙ СТОРОЖ

Прошла зима. Ласково засветилось солнце, ручьи вздулись, зашумели и понесли талую мутную воду. Птицы запели весенние песни. И наконец, в песчаной стенке неглубокого оврага что-то зашевелилось, посыпалась земля, листья, закрывшие вход в норку. Из нее, как из окошечка, выглянула чья-то рыженькая заспанная мордочка.

Бурундук. Он похож на свою родственницу — белочку. Только ростом поменьше и хвостик не такой пышный, а на рыжей спинке пять черных полосок — точно нарисованные.

Осторожно, разминая затекшие лапки, он выбрался наверх, на старый пенек над самой норкой. Погрел на солнце один бок, другой и, спустившись с обрыва, снова юркнул в норку. Ему показалось, что солнце светит весело, но мало греет, да и он еще не проснулся как следует.

Однако весеннее беспокойство не дало ему заснуть по-настоящему. Чаше вылезал бурундучок из норки, грелся, чистил смятую шерстку и как-то утром опять выбрался, осмотрелся, осторожно спустился вниз, к ручейку, который весело бежал по дну оврага. Здесь весенняя вода нанесла ровную площадку золотистого песка, и солнце успело его высушить. Бурундук хлопотливо обежал площадку, понюхал песок, лапкой потрогал какой-то камешек и вдруг быстро вскарабкался вверх и снова исчез в норке.

На этот раз он долго не появлялся: бурундук запасливый хозяин и любит повозиться в своей кладовой. В уютном гнездышке под землей мягкая подстилка из сухих листьев и отдельно склад для припасов. Желуди, семена, орехи разложены аккуратно по сортам, даже листиками отделены, чтобы не перемешались. Бурундук и зимой иной раз проснется, закусит чем-нибудь — и спать. И сейчас почти полная кладовая. Но от этого новая забота: за зиму припасы отсырели, надо просушить, чтобы не испортились.

Опять вылез из норки. Только что же с ним случилось? Щеки раздулись, острый носик торчит между щек, точно из неуклюжего мехового воротника. Он сбежал вниз

на песчаную площадку, открыл рот и проворно маленькими лапками стиснул раздутые щеки. На песок высыпалась целая кучка еловых семян. Зверек аккуратно разровнял их по песку и заторопился обратно в норку. Не очень-то удобно таскать на просушку в защитных мешках. Но других карманов у бурундука не имеется. Так он бегал и бегал, пока все остатки зимних запасов не вытащил и не рассыпал на теплом песке, чтобы солнышко хорошенько их просушило.

Можно и отдохнуть. Но подремать не приходится: немало найдется охотников на чужое добро. Бурундук сердито цыкнул на маленькую серую птичку: та будто в его сторону и не смотрит, а сама боком-бокком все ближе подсакивает.

Птичка пискнула и метнулась в сторону. Для нее бурундук — большой и сильный зверь.

Бурундучок недолго сидел на пенке: умылся, расчесал коготками шубку, так что она заблестела на солнце, и проворно нырнул под ореховый кустик неподалеку. Можно к запасам еще чего-нибудь прибавить.

Ему повезло. Недалеко от норки подобрал четыре крупных чудесных ореха. Два за щеками, один на языке и один в зубах, но больше, как ни старался, захватить не смог. Выглянул из-за кустика, остановился и весь распушился от злости: у входа в его норку сидит белка. Засунула в норку любопытный нос и спокойно, по-хозяйски вынюхивает, что там спрятано вкусного.

Бурундук быстро присел на задние лапки. Кулачками стиснул щеки, вытолкнул драгоценные орехи, чтобы не мешали драться. Они покатались по земле в разные стороны. Тут бурундук налетел на нее. Он вопил, цыкал и свистел в ярости

так отчаянно, что белка даже смутилась немного и попятилась. Бурундук не зевал: проскочил в норку и быстро повернулся к белке. Теперь вход загоразивала его оскаленная мордочка. Белка рассчитывала пограбить втихомолку, а драться с хозяином не собиралась.

Она попятилась, повернулась и вдруг заметила три орешка, подкатившиеся к самой норе. И это годится! Белка на лету подхватила орехи, в два прыжка оказалась на елке. Бурундук сердито пощипал ей вслед — уноси, мол, ноги подальше, — осторожно вылез из норки и осмотрелся.

Хорошо, что она припасов на песке у реки не заметила.

Хорошо, что четвертый орех не достался нахаляву! Бурундук, довольный, подобрал его и тут же разгрыз, держа в передних лапках, и съел. Вдруг он поднялся на задние лапки, прислушался и тихо свистнул, еще и еще, точно сам себя спрашивал: это что такое?

Черные глазки его так и загорелись. Ведь бурундук самая любопытная зверюшка на свете. Он и о запасах забыл. Рыженький хвостик мелькнул в траве, метнулся на соседнюю высокую елку. Бурундучок обежал вокруг ствола, выглянул из-за него.

Ну и штука! На поляне стоял пенек, старый и знакомый. А вот на пне сидит кто-то вовсе незнакомый. Сидит и не шевелится, точно неживой.

Бурундук присел на ветке и передними лапками почистил зубки, как делают его родичи-крысы, когда волнуются.

Рыженький зверек быстро сбежал с елки вниз головой. Потихоньку подобрался к самому пню. Не шевелится! Может, и правда неживое?

Черные глазки-бусинки так и бегали, пока черный носик старательно обнюхивал высокий сапог. Пахнет странно, но не страшно. Скок! Одним прыжком бурундук оказался на колене незнакомца, стал на дыбки, лапками потрогал блестящую пуговицу на гимнастерке, попробовал куснуть ее — не поддается. Хотя бы пошевелилось, что ли! Но тут черные глазки встретились с голубыми, которые весело наблюдали проделки бурундука. А, так оно живое!

Бурундук с визгом свалился на землю, стрелой взметнулся на высокую елку и яростно принялся оттуда браниться. Он прятался за ствол, опять выглядывал, свистел и цыкал на все лады и так распушился от злости, что сделался чуть не вдвое больше ростом.

Бурундук был совсем молоденький: родился прошлой весной. Он никогда не слышал, как люди смеются, и поэтому испугался. Он свалился в траву, молнией взлетел обратно на елку и опять принялся

браниться сколько хватало сил. Однако лесник дед Максим его нисколько не испугался. Посмеялся, встал, сказал весело:

— Прощай, малыш, не расстраивайся! — И пошел по тропинке к дому.

Бурундуку хотелось запрыгать по деревьям вслед за лесником. Да вспомнил про белку и живо назад к своим запасам кинулся: недоглядишь — и последнее разворуют.

С. Радзиевская

КОМАРЫ

День выдался морозный. Высунешь из дому нос — юрк в тепло. А папа обрадовался.

— Пойдем дрова колоть: мороз в этом деле лучший помощник.

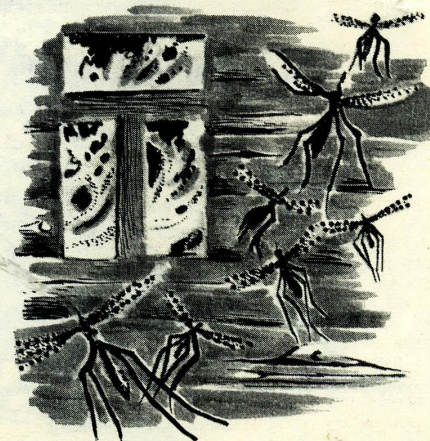
Пошли. И впрямь: только топор коснет-ся полена, как оно тут же на половинки. Я подставляю чурку за чуркой — папа смеивается:

— Не я — мороз колет.

А я уже приустал. Присел на бревно и вижу: у самого комля вроде дупла, а в нем мох не мох, но что-то мохнатое. Потянул и вытянул плотный комок. Всмотрелся: весь комарами облеплен. Попрятались, видать, в дупло перед зимней спячкой.

Любопытно: оживут они на теплой печке? Я взглянул на папу и прикусил язык: не позволит! Но ведь так интересно: зимой, в такую стужу — и комары. Это все равно что летом снег.

Я засунул комаринный комок в карман.

а когда закончили с дровами, положил находку на печь, возле трубы — там теплее.

В полночь зачесалась щека. Я проснулся: такой зуд! И тут услышал комариный писк: ожили, голубчики! Но кусаются как собаки, видно, с голоду.

Хлоп! — это папа себе по щеке спростоня. Хлоп! — это уж мама. Тут не до смеха. Так и есть! Мама встала, зажгла свет — и ахнула:

— Комары! Комары, говорю!

Папа протер глаза и в изумлении стал следить, как на него садятся комары.

— Гм! Ничего не понимаю. Постой-ка, мы дрова кололи? Кололи. Охпку дров

принесли? Принесли. Наверно, вместе с дровами и комариное гнездо занесли.

— Правильно! — сорвалось у меня с языка. — Я комариный комок на печку положил.

Мама всплеснула руками. А папа рассмеялся.

— Много их там у тебя?

Я бросился к печной трубе: пусто!

— Не считал. Много! Все ожили. Все летают! — в испуге прокричал я.

— Без паники! — сказал папа. — Воздушная тревога! Вооружиться шапками, платками: чем можно бить комаров. За работу!

В. Костылев
Рис. Т. Сопиной

УТРО ГОДА

Пришла весна! Я снова слышу
Гул, шум мотора на полях.
Пришла весна. Я снова вижу
Клин журавлиный в облаках.
И вновь красивые березки
Надели легкий свой наряд,
На нежных, праздничных сережках
Алмазы-капельки горят.
Вновь ярко, щедро солнце светит,
Речушка весело журчит,
И звонко-звонко на рассвете
Скворец с весной говорит!

Алиса Альмуратова

г. Алма-Ата

КАПЛИ СОЛНЦА

Спряталось солнце в небесной
складке,
Из-за тучи лукаво мигает,
Искупало лучи свои в кадке
И на землю дождинки роняет.

А дождинки такие свежие,
Как роса в предрассветный час,
Опустились на почки нежные,
А потом на асфальт и на нас.

Наташа Барсукова

г. Саратов

ВЕЧЕР

Тихо падает вечер
На траву меж берез.
И все кажется вечным —
Этот лес, этот плес.

Тихо вечер ложится
Вновь на капли росы.
Сердцу радостней биться
Среди русской красы.

Наташа Карнаушенко

г. Жданов
Донецкой области

Индекс 71121
20 коп.